Д 163
404

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ

КРЫЛОВЪ

и

ЕГО БАСНИ.

Изданіе редакціи журнала
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1886.

Для сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ и для народныхъ училищъ изданы редакціею слѣдующія книги:

	Цѣна.	Съ пер.
I. Книги для первоначальнаго обученія.		
1. Букварь Константинова	10 к.	12 к.
2. Прописи для первоначальнаго письма	10 »	12 »
3. Книжка для чтенія Ч. I. Съ рисунками	30 »	35 »
Книжка для чтенія Ч. II. Съ рисунками	20 »	25 »
4. Ариѳметика	20 »	25 »
5. Ариѳметическій задачникъ	10 »	15 »
6. Обереженіе здоровья	20 »	25 »
7. Свѣдѣнія обязат. для каждаго рядоваго	20 »	25 »
II. Книги духовнаго содержанія:		
1. Житіе святыхъ угодниковъ	20 к.	25 к.
2. Соловецкій монастырь и его святыни. Съ рисунками	20 »	25 »
3. Изъясненіе Божественной литургіи	20 »	25 »
4. Жизнь и ученіе Іисуса Христа. Съ 27 рисунками	75 »	90 »
5. Послѣдніе дни Спасителя. Съ рисунками	20 »	25 »
6. Двунадесятые праздники	30 »	35 »
III. Жизнеописанія замѣчательныхъ людей.		
1. Кулибинъ. Русскій механикъ-самоучка	10 к.	12 к.
2. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ	20 »	25 »
3. Семенъ Прокофьевичъ Власовъ. Турбинъ	10 »	15 »
4. Хабаровъ и Дежневъ, знаменитые казаки	10 »	15 »
5. Ученый башмачникъ Томасъ Эдвардъ	10 »	15 »
6. Котляревскій и Слѣпцовъ. Кавказскіе герои	15 »	20 »
7. М. Д. Скобелевъ	20 »	25 »
8. Фультонъ и Стефенсонъ—изобрѣтатели парохода	10 »	15 »
9 Русскіе писатели: Фонвизинъ	10 »	15 »
Кольцовъ и его стихотворенія. Съ портрет.	15 »	20 »
IV. Русская исторія и историческіе разсказы.		
1. Какъ началось Русское Царство. Время отъ Рюрика до Ярослава. Съ 12 рис.	25 к.	30 к.
2. Русская земля отъ Ярослава до татарскаго погрома. Съ 8 рис.	25 »	30 »
3. Татарскій погромъ и Димитрій Донской. Съ 4 рис.	25 »	30 »
4. Московское Княжество отъ смерти Димитрія Донскаго до воцаренія Ивана Грознаго. Съ 7 рис.	25 »	30 »
5. Отъ Ивана Грознаго до прекращенія Рюрик. дома. Съ 13 рис.	25 »	30 »
6. Отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія Михаила.	25 »	30 »
7. Царствованіе Михаила Ѳедоровича. Съ рис.	25 »	30 »
8. Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ рис.	25 »	30 »
9. Царствованіе Николая Павловича. Съ рис.	25 »	30 »
10. Царствованіе Императора Александра II.	25 »	30 »
11. Борьба съ природою на Балканахъ. Съ рис. и картою.	45 »	50 »
12. День и ночь въ Севастополѣ	20 »	25 »
13. Геройская смерть Данилова. Съ рис.	20 »	25 »
14. Подвиги русскихъ войскъ въ войну 1877—78 гг.	20 »	25 »
15. Бой подъ Плевной за Зеленыя горы	20 »	25 »
16. Взятіе Никополя	20 »	25 »
17. Подвиги Кавказской арміи	20 »	25 »
18. Паденіе Плевны	20 »	25 »
19. Мѣсяцъ плѣна у Османа-паши	10 »	15 »

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ

КРЫЛОВЪ

и

ЕГО БАСНИ.

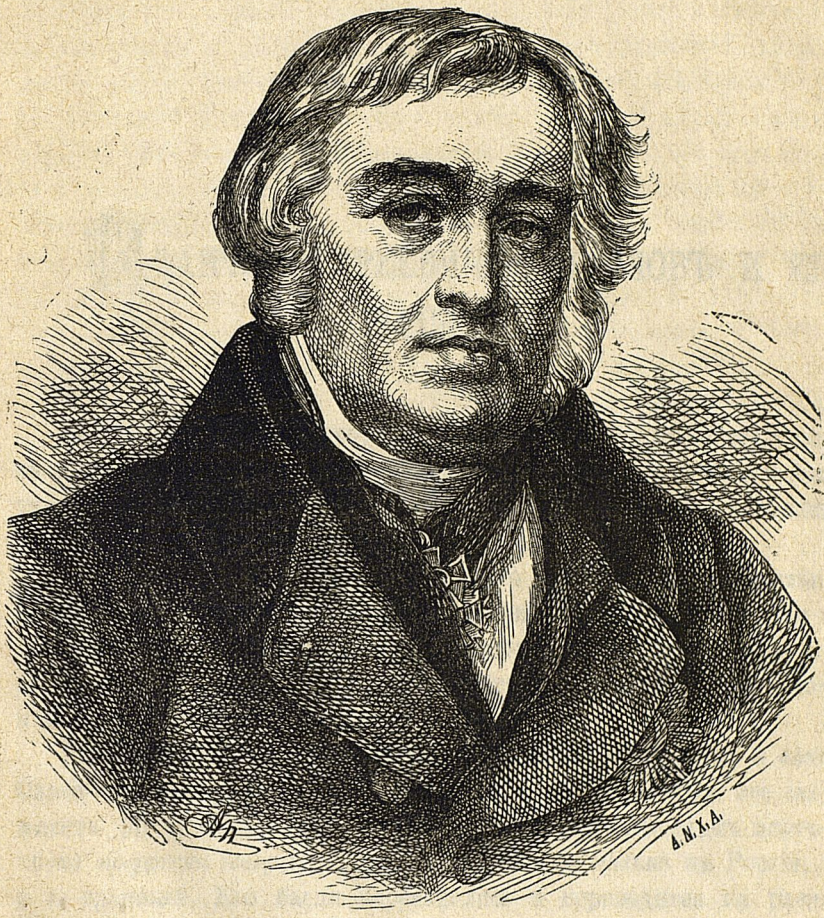
Изданіе редакціи журнала
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1886.

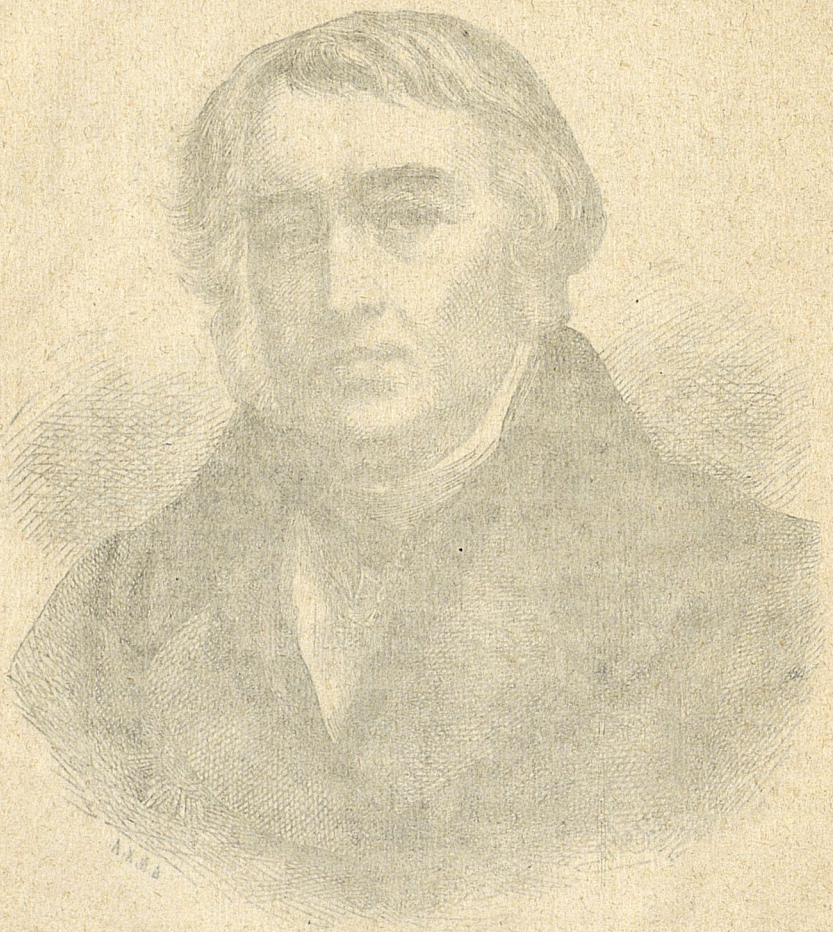
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Марта 1886 г.

18628-о

2010515046



Иванъ Андреевичъ Крыловъ.



Иванъ Андреевичъ Крыловъ и его басни.

Можно сказать безошибочно, что кто только учился грамотѣ и въ какой-бы школѣ онъ ни учился, тотъ навѣрно читалъ и даже училъ наизусть басни Крылова. Нѣтъ ни одной русской христоматіи, гдѣ бы не было помѣщено хотя нѣсколькихъ его басенъ.

Дѣти любятъ читать ихъ потому, что онѣ легки и занимательны; но въ то-же время онѣ и полезны. Ни изъ чьихъ сочиненій дѣти не извлекутъ столько пользы, какъ изъ басень Крылова. Но не откинетъ сочиненій его и тотъ, кто читаетъ для того, чтобы окрѣпнуть умомъ и обогатиться опытностью.

Еще при жизни своей Крыловъ пріобрѣлъ извѣстность и славу. Слава эта живетъ и до сихъ поръ, хотя со дня смерти его скоро минетъ 50 лѣтъ, и будетъ жить она—какъ сказалъ одинъ поэтъ—*«пока по-русски говорятъ»*. Онъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей. Его басни переводились и переводятся на разные иностранные языки.

Но для того, чтобы пріобрѣсть такую громкую, безсмертную славу, нужно было имѣть особенныя дарованія. И эти дарованія Иванъ Андреевичъ имѣлъ въ избыткѣ. Хотя дѣтство его протекло такой жизнью, которая менѣе всего могла содѣйствовать развитію его способностей, но онъ, какъ бы наперекоръ счастью, впослѣдствіи пріобрѣлъ все, что нужно писателю и гражданину.

Родился Иванъ Андреевичъ въ 1768 году 2 февраля, въ Москвѣ. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, былъ бѣдный армейскій офицеръ. Изъ Москвы онъ былъ переведенъ въ Оренбургъ, а оттуда, во время Пугачевскаго бунта, назначенъ въ крѣпость Яицкую. Эту крѣпость осаждалъ Пугачевъ со всѣми своими полчищами, но мужественный и благоразумный капитанъ Крыловъ съумѣлъ устоять противъ этихъ полчищъ. Когда Пугачевъ началъ испытывать неудачу и сильное сопротивленіе въ осадѣ такой незначительной крѣпости, то поклялся во что бы то ни стало взять крѣпость и повѣсить не только офицеровъ Самонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ крѣпости. Такимъ образомъ, шестилѣтній Иванъ Андреевичъ былъ обреченъ на смерть. Но судьба спасла его для славы Россіи: Пугачевскій бунтъ былъ прекращенъ, а Андрей Прохоровичъ скоро перешелъ на гражданскую службу и получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери. Здѣсь оставался отецъ Крылова до своей смерти (1780 года). Всѣ заботы по первоначальному воспитанію сына занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, была женщина простая, даже малограмотная; но она хорошо понимала необходимость образованія и старалась сыну своему дать возможность учиться, а также изыскивала всѣ средства, чтобы заохотить сына къ ученію. Когда онъ прилежно просиживалъ весь урокъ, мать въ награду давала ему по нѣсколько копѣекъ. Но чтобы привычка прятать деньги у ребенка не обратилась въ корыстолюбіе, она указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами; и онъ охотно покупалъ на эти деньги разныя вещи, необходимыя для его неприхотливаго наряда. Такимъ образомъ, благодаря находчивости умной матери, мальчикъ и учился хорошо, и былъ одѣтъ прилично. Чтобы научить сына французскому языку, бывшему тогда въ модѣ, мать нашла возможнымъ посылать его къ гувернеру-французу, занимавшемуся обученіемъ дѣтей губернатора. Только успѣхи его съ иностраннымъ учителемъ не такъ были счастливы, какъ съ матерью; но мать и здѣсь рѣшилась употребить въ пользу свои средства. Она заставляла его читать по-французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ наружно исполнялъ ея желаніе, выговаривая только слова и не заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ; но скоро доброе сердце его взяло верхъ надъ

легкомысліемъ: онъ принялся за словарь, старался узнавать смыслъ и скоро началъ понимать книгу. Впрочемъ, онъ никогда не заботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть французскимъ языкомъ. Въ послѣднее время онъ хорошо понималъ и писалъ по-французски, но никогда у него недоставало привычки говорить на этомъ языкѣ.

Послѣ смерти отца, еще менѣе представлялось возможности заниматься воспитаніемъ Ивана Андреевича. Марья Алексѣевна съ двумя сыновьями *) осталась безъ всякихъ средствъ и не получала даже пенсіи. Чтобы улучшить свое бѣдственное состояніе, мать опредѣлила Ивана Андреевича на службу, сначала въ Калязинскій судъ, а послѣ просила перевести въ Тверской магистратъ, гдѣ служилъ прежде его отецъ. И вотъ 14-тилѣтній Крыловъ, едва умѣя держать въ рукѣ перо, вмѣсто того чтобы учиться, начинаетъ въ должности подканцеляриста посѣщать Тверской магистратъ. Но его занимало не канцелярское дѣло, котораго онъ по своему дѣтскому возрасту и понимать не могъ: его мысли уносились на площадь, гдѣ происходили кулачные бои, привлекавшіе толпы любопытныхъ зрителей; любилъ онъ бѣгать къ плоту, гдѣ со всѣхъ концовъ города собирались водовозы и прачки,—на рынки, куда съ окрестныхъ деревень съѣзжались крестьяне. Здѣсь онъ проводилъ цѣлые часы, прислушивался къ разговорамъ, шуткамъ и остротамъ, а послѣ бѣжалъ къ товарищамъ пересказывать все то, что его поражало. Вотъ здѣсь-то и пробудилась его наблюдательность; здѣсь-же онъ научился той чисто-русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ. Отъ наблюденій онъ опять возвращался къ канцелярскимъ бумагамъ, къ которымъ онъ не могъ привыкнуть. Но онъ понималъ, что ему надо добывать насущный хлѣбъ, и служилъ.

Послѣ смерти отца его Андрея Прохоровича, осталось много книгъ. Книги эти были большею частью драматическія. Иванъ Андреевичъ безъ разбору перечитывалъ ихъ всѣ, и у него явилось желаніе самому сочинять. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою

*) У Ивана Андреевича былъ братъ Левъ Андреевичъ, который служилъ сначала въ гвардіи, послѣ перешелъ въ армію, а по болѣзни былъ зачисленъ въ инвалиды. Въ Винницѣ, онъ, съ помощью Ивана Андреевича, купилъ себѣ хуторъ и сталъ заниматься хозяйствомъ. Умеръ двадцатью годами раньше Ивана Андреевича, т. е. въ 1824 г.

оперу «Кофейница». Наконецъ пылкій умъ его не можетъ довольствоваться нѣмыми перепиской бумагъ въ магистратѣ. Онъ начинаетъ мечтать о Петербургѣ и о театрѣ. Будучи 15-и лѣтъ, онъ беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ съ своимъ первымъ произведеніемъ. Въ Петербургѣ жилъ книгопродавецъ Брейткопфъ; онъ содержалъ типографію, торговалъ книгами и занимался музыкой, какъ страстный ея любитель и знатокъ. Къ нему-то рѣшился обратиться Крыловъ со своею *Кофейницей*. Опера, которая составлена почти ребенкомъ, показалась доброму Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ, и онъ согласился купить ее и предложилъ 60 рублей. Но Крыловъ не соблазнился деньгами: онъ взялъ отъ него столько книгъ, сколько приходилось на эту сумму.

На первыхъ же порахъ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ рѣшился представиться писателю Княжнину, а Княжнинъ познакомилъ его съ знаменитымъ въ то время актеромъ Дмитревскимъ. Дмитревскій сразу увидѣлъ въ ребяческихъ опытахъ Крылова особенныя способности и дарованія, которыя могутъ развиться до высшей степени, и не смотря на разность возрастовъ (Дмитревскій былъ старше 32-мя годами) и занятій, они сошлись очень близко и скоро сдѣлались друзьями. Часто Крыловъ сталъ приходить запросто къ Дмитревскому, какъ къ родственнику. За сытнымъ обѣдомъ, состоящимъ изъ чисто-русскихъ блюдъ, въ халатахъ,—если не было постороннихъ,—они роскошничали по своему, а послѣ обѣда любили по старому русскому обычаю выспаться изрядно.

По этому поводу разсказываютъ очень забавный случай, показывающій, до какой степени Крыловъ иногда былъ разсѣянъ и безпеченъ. Разъ какъ-то очень долго не видался онъ съ Дмитревскимъ, и совсѣмъ не зналъ, что пріятель его живетъ уже на новой квартирѣ. Встрѣтившись, Дмитревскій зоветъ Крылова къ себѣ обѣдать, заранѣе обѣщая поподчивать его щами, кулебякою, поросенкомъ подъ хрѣномъ въ сметанѣ, гусемъ съ груздями, кашею и проч. Крыловъ въ назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляетъ ему, что баринъ еще не возвратился домой. «Я подожду, братецъ», сказалъ онъ. Спокойно чрезъ пріемную комнату и кабинетъ добравшись до спальни, онъ раздѣлся и, для освѣженія силъ, легъ заснуть на кровати. Квартиру Дмитревскаго въ это вре-

мя занималъ женатый чиновникъ. Къ обѣденному времени раньше мужа прибыла жена. Каково было ея удивленіе, когда она увидѣла въ своей спальнѣ на кровати незнакомаго ей мужчину, дюжаго, полнаго и беззаботно спящаго. Можно представить, до какой степени смѣшался Крыловъ, когда разбудили его, вообще застѣнчиваго и не очень ловкаго.

Ознакомившись лучше съ русскимъ театромъ, Крыловъ рѣшился написать трагедію «Клеопатра». Когда была окончена трагедія, онъ отправился съ ней къ Дмитревскому. Актеръ сказалъ, что прежде намѣренъ прочитать ее самъ. Крыловъ подумалъ, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія его трагедіи, и потому очень часто навѣщалъ Дмитревскаго; но надобно же было случиться, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ друзья не могли свидѣться. Чего только ни передумалъ нашъ молодой поэтъ въ этой пыткѣ! Наконецъ Дмитревскій объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ сочинителемъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому что Дмитревскій не пропустилъ безъ вниманія не только ни одного дѣйствія и явленія, но даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностью показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отчего дѣйствія незанимательны, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который удалось выслушать Крылову. Онъ почувствовалъ, что легче написать новую, нежели исправить старую, что посовѣтовалъ ему и Дмитревскій, прибавивъ, что надо учиться и учиться. Такимъ образомъ, этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности. Новая трагедія Крылова «Филомена» тоже, видно, была неодобрена Дмитревскимъ, такъ какъ она навѣрно была бы представлена въ русскомъ театрѣ, тогда бѣдномъ еще всякими произведеніями. Но, впрочемъ, она была напечатана въ Сборникѣ Императорской академіи наукъ. Это доставило много восторга молодому поэту и его матери, которая также жила въ Петербургѣ. Мать здѣсь же начала хлопотать о своей пенсіи, а сыну выхлопотала мѣсто въ казенной палатѣ съ жалованьемъ 25 рублей въ годъ. Хотя тогда была удивительная дешевизна во всемъ, но надо было соблюдать особенную бережливость и разсчетливость, чтобы довольствоваться такимъ содержаніемъ. Но, однако, мать была довольна и радовалась

своимъ сыномъ, въ такихъ раннихъ лѣтахъ доставлявшимъ средства къ существованію семьи. Но недолго Марья Алексѣевна утѣшалась своимъ сыномъ: въ 1788 году она умерла, не добившись получить пенсіи. «Это—говорилъ потомъ Крыловъ своимъ друзьямъ—былъ первый и самый тяжелый ударъ въ моей жизни». И дѣйствительно, ему приходилось теперь терпѣть бѣдность, одиночество и безпріютную жизнь. Но онъ все это перенесъ терпѣливо и мужественно. Самъ онъ сталъ прокладывать себѣ дорогу, и начинаетъ съ того, что вскорѣ послѣ смерти матери переходитъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества, гдѣ, разумѣется, сталъ получать гораздо лучшее содержаніе. Но чрезъ два года онъ оставляетъ и эту службу. Ему хотѣлось быть человѣкомъ самостоятельнымъ и независимымъ. Онъ соединяется съ нѣкоторыми компаніонами и открываетъ типографію, а также начинаетъ издавать сатирическій журналъ подъ названіемъ «Почта духовъ». И съ 1789 по 1795 г., въ теченіе шести лѣтъ, онъ работалъ для своего журнала, хлопоталъ по содержанію типографіи и обогащалъ театръ новыми пьесами своими. Журналъ свой онъ старался все улучшать; съ каждымъ годомъ онъ увеличивалъ программу и даже измѣнялъ названія. Главной задачей его было стремиться къ утвержденію въ своемъ отечествѣ своихъ родныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, особенно роднаго языка, тогда сильно тѣснимаго французскимъ въ высшемъ кругу общества. Трудился онъ безъ устали: въ журналахъ своихъ онъ помѣщалъ сатирическія статьи, въ которыхъ порицалъ всякіе пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны. Все было мѣтко и ясно выставлено, но такъ скромно и прилично, что даже тотъ, который чувствовалъ себя выставленнымъ въ этихъ статьяхъ, не могъ обидѣться. Читая его ѣдкія статьи, съ трудомъ вѣрится, что онѣ писаны почти мальчикомъ,—мальчикомъ, нигдѣ не учившимся и подавленнымъ бѣдностью. Но удивительнѣе еще то что въ то-же время онъ находилъ возможность учиться. Онъ научился играть на скрипкѣ, и игралъ такъ хорошо, что его часто приглашали участвовать въ концертахъ вмѣстѣ съ знаменитыми артистами; выучился итальянскому языку. Въ живописи онъ также достигъ замѣчательнаго совершенства: его портретъ Императрицы цѣнился художниками очень высоко. И всему этому онъ научился одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Кажется, для этихъ способностей

ничего не было невозможнаго. Богъ знаетъ, куда увлекли бы его первые успѣхи; но какія-то неизвѣстныя обстоятельства заставили его закрыть типографію и прекратить изданіе журнала. Онъ самъ объ этомъ выражался какъ-то неопредѣленно: «Знаешь, мой милый— говорилъ онъ своему другу Быстрову, — тутъ много было причинъ... Кто не былъ молодъ и на вѣку своемъ не дѣлалъ проказъ!...»

Въ то-же время посѣтила юношу и любовь, какъ видно сильная, но безнадежная. Вотъ что онъ писалъ тогда къ своему другу Клушину:

Жалѣй о мнѣ, мой другъ, жалѣй—
Одна мечта родитъ другую,
И всѣ—одна другой глупѣй!
Но что съ природой дѣлать станешь?
Ее, мой другъ, не перетянешь.
Быть можетъ, что когда нибудь
Мой духъ опять остепенится,
Моя простынетъ жарка грудь,
И сердце будетъ тише биться,
И страсти мнѣ дадутъ покой.
Зло такъ, какъ благо, здѣсь не вѣчно:
Я успокоюся конечно—
Но гдѣ?—Подъ гробовой доской!

Въ стихахъ и даже въ одной баснѣ онъ говоритъ о какой-то Анютѣ; но кто была эта Анюта—осталось неизвѣстнымъ.

Изъ театральныхъ сочиненій по 1795 годъ, онъ написалъ: комическую оперу «Бѣшеная семья» и комедіи «Проказники» и «Сочинитель у прихожей». Всѣ эти пьесы, хотя и были играны въ театрѣ, но онѣ не заслуживаютъ большой похвалы.

Съ 1795 по 1801 годъ Крыловъ какъ бы совершенно исчезаетъ. Ни на одномъ изъ сочиненій не значится отмѣтки, что они были написаны въ это время. Къ этому времени, говорятъ, въ немъ развилась страсть къ картамъ; въ это время онъ только ими жилъ. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ объ этомъ такъ: «Стыдно сознаться, я самъ ѣздилъ розыскивать мѣста и партнеровъ для карточной игры». Счастье сначала ему везло. Въ короткое время онъ выигралъ, говорятъ, довольно большую сумму денегъ, но послѣ опять ихъ скоро

проигралъ, попавъ въ кружокъ шулеровъ. Настигнутый полиціей въ сообществѣ шулеровъ, онъ былъ вмѣстѣ съ ними призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они, на основаніи законовъ, подлежатъ высылкѣ изъ столицы; обратясь же къ Крылову онъ сказалъ: «А вамъ, милостивый государь, стыдно. Вы—извѣстный писатель, должны были бы сами преслѣдовать порокъ, а между тѣмъ не стыдитесь сидѣть за однимъ столомъ съ отъявленными негодями». Ему также грозило изгнаніе изъ столицы; но онъ отдѣлался, пренаивно сказавъ: «Еслибы я ихъ объигралъ, тогда бы я былъ виноватъ; но вѣдь они меня объиграли. Мнѣ не съ чѣмъ продолжать игры».

Наконецъ, бездѣятельная жизнь наскучила Крылову. Вступить въ службу ему теперь уже не было трудно. Въ немъ готовы были принять участіе самыя значительныя лица.

Въ 1804 г. онъ удостоился покровительства вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и по ея милости получилъ мѣсто секретаря при Рижскомъ военномъ губернаторѣ князѣ Голицынѣ. На второй годъ своей службы онъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго секретаря, а на третій—онъ опять покинулъ службу. Правда, ему въ Ригѣ и дѣлать было нечего, такъ какъ князь Голицынъ, испросивъ себѣ увольненіе отъ должности, отправился въ свою деревню Саратовской губерніи. Привыкнувъ къ Крылову и полюбивъ его онъ уговорилъ поэта переселиться съ нимъ въ новое его мѣстопребываніе. Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ быть, любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь, Крыловъ охотно принялъ его предложеніе. Чтобы не оставаться безъ дѣла, Крыловъ занялся обученіемъ дѣтей князя. Тамъ онъ прожилъ три года. Въ 1806 году онъ отправился въ Петербургъ къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ. Проѣзжая черезъ Москву, онъ остановился здѣсь, прожилъ нѣсколько времени и сошелся съ знаменитыми писателями: Карамзинымъ, Жуковскимъ и Дмитріевымъ. Съ Дмитріевымъ онъ сошелся особенно близко. Здѣсь онъ написалъ въ первый разъ три басни, показалъ ихъ Дмитріеву, который, прочитавъ ихъ, пришелъ въ восторгъ и сказалъ: «Это вотъ истинный родъ; наконецъ вы нашли его». Басни эти были напечатаны въ журналѣ «Московскій зритель». Редакторъ журнала былъ не менѣе восхищенъ.

«Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И. И. Дмитріева писалъ онъ.—Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ, то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. Имя любезнаго поэта обрадуетъ, конечно, и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня».

Но въ Петербургѣ снова пробудилась въ Иванѣ Андреевичѣ страсть къ театру, и онъ написалъ двѣ комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ». Объ этихъ комедіяхъ отзывались всѣ съ похвалою и были увѣрены, что еслибы онъ посвятилъ себя театру, то и въ этихъ произведеніяхъ достигъ бы той высоты и совершенства, какихъ достигъ въ баснѣ. Но, впрочемъ, онъ не кидалъ и басень, и въ 1809 г. вышло первое изданіе его басень, въ числѣ 23. Это изданіе принято было всѣми съ восторгомъ. Но не оставилъ Крыловъ еще страсти къ карточной игрѣ. Объ этой страсти слухъ дошелъ до Императора Александра Павловича. Государь, когда узналъ, что Крыловъ проигралъ деньги, выданныя на изданіе его басень, сказалъ: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ, но жаль будетъ, если онъ проиграетъ свой талантъ». Эти слова произвели свое дѣйствіе: съ тѣхъ поръ страсть къ картамъ стала проходить, а чрезъ нѣсколько времени Крыловъ совершенно пересталъ играть

Въ 1808 году, когда ему было уже 40 лѣтъ, онъ опять поступилъ на службу, при монетномъ дворѣ. Басни Ивану Андреевичу доставили еще больше извѣстности, чѣмъ драматическія сочиненія. Теперь его уже считали писателемъ, имѣющимъ право на почетъ и уваженіе. Его принимали теперь радушно во всѣхъ кругахъ общества. На него смотрѣли, какъ на человѣка, обладающаго великимъ умомъ и обширными знаніями. Въ 1810 году въ домѣ поэта Державина были открыты Бесѣды Русскаго Слова, членами которыхъ были люди, извѣстные въ литературѣ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ происходили чтенія новыхъ сочиненій, которыя здѣсь же и обсуждались. Въ число дѣйствительныхъ членовъ былъ избранъ и Крыловъ. Его новыя басни возбуждали общій восторгъ въ каждомъ чтеніи. А такъ какъ члены Бесѣдъ Русскаго Слова всѣ почти были членами академіи наукъ, то и Крыловъ въ 1811 году былъ избранъ въ число членовъ академіи.

Въ 1812 году послѣдовало открытіе Императорской публичной библіотеки. Должности библіотекарей и помощниковъ были пору-

чены лицамъ, извѣстнымъ въ литературѣ. Крыловъ, какъ уже извѣстный писатель, также былъ приглашенъ и назначенъ помощникомъ библіотекаря русскаго отдѣла. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку библіотекарь русскаго отдѣла, то Крыловъ занялъ его должность и даже квартиру. Тутъ онъ прожилъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ.

Во время поступленія Ивана Андреевича въ Императорскую публичную библіотеку, ему было 44 года. Можно сказать, что онъ только около этого времени какъ бы родился для насъ. Онъ теперь только какъ бы созналъ свое назначеніе, устремивъ всю свою дѣятельность на одинъ только родъ сочиненій—басни. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ, кромѣ басень. Теперь въ немъ улеглись всѣ страсти: пересталъ писать театральныя сочиненія и даже охладѣлъ къ театру такъ, что, прежде ревностный посѣтитель театровъ, теперь почти по десяти лѣтъ не заглядывалъ туда. Потухла любовь и прошла страсть,—страсть, которая долгое время кидала на него темную тѣнь; эта страсть—карты; теперь онъ такъ охладѣлъ къ нимъ, что даже не соблазнялся этой игрой и тогда, когда гдѣ нибудь на вечерѣ или въ клубѣ сидѣлъ въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ усаживались за карты, а Иванъ Андреевичъ одинъ только сидѣлъ на креслѣ, гдѣ нибудь въ уголкѣ, или за спиною кого нибудь изъ играющихъ и преспокойно дремалъ. Характеръ его сдѣлался до такой степени ровный и спокойный, что не поддавался никакимъ увлеченіямъ: онъ всегда оставался неизмѣннымъ, никогда нельзя было видѣть его даже не въ духѣ, также никогда онъ не приходилъ и въ восторгъ. Довольно полный, онъ казался медленнымъ и даже не дѣятельнымъ. Да и на самомъ дѣлѣ онъ былъ такимъ.

Въ Крыловѣ высказалась чисто-русская натура со всѣми хорошими и слабыми сторонами. Больше всего въ немъ видна была безпечность; и не только въ немъ, но даже во всей обстановкѣ, окружающей его, были видны слѣды этой безпечности. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ перебрался въ квартиру Сопикова, онъ почти тридцать лѣтъ прожилъ здѣсь безвыѣздно. Квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу. Средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ

хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола, даже трудно было отыскать бумаги съ чернилицей и перомъ. Посѣщавшихъ его часто поражало это: «сочинитель не имѣетъ въ квартирѣ ни бумаги, ни чернилъ». Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Не смотря на то, что онъ обѣдалъ всегда въ клубѣ, поэтому прислугѣ, кажется, постоянно было время убрать комнаты, но, между прочимъ, никому и въ мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Приходившихъ къ нему онъ дружески всегда просилъ садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыму. При разговорѣ сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ, и дѣвочка приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на полъ и свѣчку прилѣпливала передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ подоконниковъ, привадилъ къ себѣ голубей съ гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, стоящія на нихъ, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Онъ всегда любилъ передъ сномъ читать книгу. Разъ какъ-то его товарищъ по академіи привезъ ему съ вечера въ подарокъ въ роскошномъ переплетѣ книгу, переведенную имъ съ иностраннаго языка. Ложась спать, баснописецъ и хотѣлъ-было позабавиться чтеніемъ этой книги, но задремалъ, а книга выпала изъ рукъ, свалилась подъ столъ и попала въ песочницу. Утромъ, ѣдучи въ должность, переводчикъ полюбопытствовалъ спросить Крылова, понравился ли ему переводъ; но, заглянувъ за перегородку и увидѣвъ, куда попала его золотообрѣзная книга, онъ тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не зналъ о его посѣщеніи. Вотъ одинъ примѣръ его удивительной безпечности. Надъ диваномъ, на которомъ обыкновенно онъ усаживался съ ногами, висѣла картина въ тяжелой рамкѣ. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ; послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ — и

она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ такомъ положеніи, наконецъ его стали предостерегать, чтобы не досталось его головѣ отъ картины. Но что же отвѣчалъ онъ? «Если, дѣйствительно, придется ей упасть, то рама, вслѣдствіе того, что виситъ косо, при паденіи должна описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову, а потому и опасаться въ этомъ случаѣ не стоитъ». Но безпечность и лѣность Крылова происходили не отъ того, чтобы жизнь его казалась ему ужъ постылой, но отъ того, что онъ равнодушно смотрѣлъ на все и считалъ совершенно лишнимъ увлекаться чѣмъ нибудь. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Слѣдующій случай показываетъ, до какой степени онъ имѣлъ твердую волю. Въ 1818 году, т. е. на 50-мъ году своей жизни, разговорились однажды у Оленина, директора Императорской библіотеки, о томъ, что трудно и невозможно въ пожилыхъ лѣтахъ выучиться греческому языку. Особенно утверждалъ это поэтъ Гнѣдичъ. Крыловъ же не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не поминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ рѣже сталъ видѣться съ Гнѣдичемъ, давая намекъ, что началъ играть въ карты. Чрезъ два года у Оленина-же онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ греческую книгу въ одномъ, другомъ и третьемъ мѣстѣ—и Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости удивленіе всѣхъ, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину своей жизни! Но въ то-же время Крыловъ не извлекъ никакой выгоды изъ этого: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Послѣ экзамена онъ не заглядывалъ уже больше въ греческія книги, которыхъ, впрочемъ, накупилъ очень много и всѣ ихъ прочелъ, употребляя на это время передъ сномъ; всѣ эти книги онъ складывалъ подъ кровать, чтобы лежа всегда можно было доставать оттуда рукою. Разъ какъ-то протянулъ Иванъ Андреевичъ руку подъ кровать за одной книгой, но тамъ уже не было ни одной изъ нихъ, такъ какъ служанка, видя,

что какія-то пыльныя книги лежатъ подъ кроватью безъ всякаго употребленія, сочла ихъ безполезными и всѣ ихъ употребила на подтопку печки.

Утромъ вставъ, если онъ не былъ дежурнымъ, то за сигарой, или за книгой, или въ разговорахъ съ пріятелями, зашедшими къ нему, онъ кое-какъ проводилъ время до того часу, когда ему надо было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Тамъ, подремавъ немного послѣ обѣда, онъ иногда заѣзжалъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой. Въ домъ Оленина, директора Императорской публичной библіотеки, Крыловъ былъ введенъ гораздо раньше того времени, когда поступилъ въ публичную библіотеку. Въ просвѣщенныхъ семействахъ А. Н. Оленина и графа А. С. Строгонова, благоволившихъ ко всякимъ талантамъ, находили радушный пріемъ и искренное участіе всѣ писатели и артисты того времени, прославившіе царствованіе благословеннаго Императора. Въ семействѣ Оленина Крыловъ нашелъ все: покровительство, дружбу и любовь. Олениnъ, его начальникъ по службѣ, былъ и его искреннѣйшимъ другомъ и ходатаемъ предъ членами Императорскаго семейства. Елизавета Марковна Оленина, женщина безграничной доброты, была ему второю матерью. Отсюда онъ вынесъ названіе «дѣдушки», которое слилось на всегда съ его именемъ. Навѣщалъ онъ также и Жуковскаго. Въ квартирѣ этого поэта собирались часто всѣ писатели того вѣка, проводя время въ дѣльныхъ бесѣдахъ. Иванъ Андреевичъ любилъ здѣсь особенно шутить и любезничать.

Къ хорошимъ сторонамъ характера Крылова еще можно отнести то, что онъ не былъ честолюбивъ. Никогда у него не бывало не только рѣчи, но и намековъ о служебныхъ наградахъ или повышеніяхъ; онъ даже отстранялся отъ этого. Но какъ бы въ награду за это, онъ никогда не былъ забываемъ. Никогда онъ не тяготился своей обязанностію и никогда не старался сваливать ее на другихъ. Служащіе въ Императорской библіотекѣ должны были дежурить по очереди цѣлыя сутки; эти дежурства многихъ тяготили. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ и былъ въ правѣ, не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурнаго особенно тяготила каждаго въ лѣтніе жары, когда не было ни читателей, ни важныхъ дѣлъ. Но Крыловъ

былъ въ этомъ случаѣ невозмутимо терпѣливымъ. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванъ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ, которые читалъ не для пользы, а для того только, чтобы какъ нибудь убить время. Самъ онъ былъ безпечнымъ, но однако къ своимъ обязанностямъ относился всегда аккуратно и выполнялъ ихъ въ точности. Особенно онъ сталъ хлопотать по своей должности тогда, когда помощникомъ ему былъ назначенъ поэтъ баронъ Дельвигъ, безпечный до крайности. Крыловъ теперь увидѣлъ, что ему самому приходится дѣлать за двухъ. Но однако это не довело до ссоры двухъ поэтовъ, одинаково лѣнивыхъ, но также и уважавшихъ другъ друга; обязанности свои кое-какъ дѣлили они между собою.

Ко всѣмъ, кто не былъ съ Крыловымъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ оказывалъ большую вѣжливость, никогда не любилъ онъ входить въ ссоры, хотя бы кто говорилъ совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно, сдѣлавшись равнодушнымъ ко всему, онъ показывалъ видъ, будто соглашается во всемъ, что бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя разсужденія. Между тѣмъ онъ превосходно и правильно разсуждалъ о всякихъ вещахъ, и особенно о литературѣ.

Къ худымъ сторонамъ его характера, какъ было указано, можно отнести безпечность и недѣятельность—лѣнь. За эту лѣнь его обвиняютъ многіе. Говорятъ, что если бы онъ усилилъ свою дѣятельность, то, можетъ быть, еще больше было бы имъ сдѣлано. Басни свои, которыя доставили ему безсмертную славу, онъ составлялъ какъ бы отъ скуки, хотя басни эти ему доставались не легко: иногда онъ передѣлывалъ одну и ту-же басню разъ по десяти, и во всякой баснѣ достигалъ того, что каждая выходила совершенно доконченной и обработанной. Но на эту работу онъ никогда не употреблялъ особаго времени: часто, сидя безъ дѣла у себя дома за стаканомъ чая или кофе, въ библіотекѣ во время дежурства и даже въ клубѣ послѣ обѣда, съ клочкомъ бумаги или карандашомъ, онъ обдумывалъ и составлялъ свои басни.

Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и не головоломной, кромѣ выѣзда къ обѣду и посѣщенія собраній академіи наукъ и

университета, гдѣ онъ былъ членомъ, кромѣ домовъ Оленина, Строгоновыхъ и Жуковскаго онъ почти нигдѣ и никогда не бывалъ. Онъ какъ бы отсторонился отъ людей. Но опять и здѣсь, что другимъ принесло бы вредъ, ему, а вмѣстѣ съ нимъ и всему русскому народу, это принесло великую пользу. Рѣдко бывая въ обществѣ и не принадлежа ни къ какой сторонѣ, Крыловъ представляетъ писателя безпристрастнаго, не увлекающагося соблазнами и не придерживающагося чьей либо стороны. Онъ является какъ бы проповѣдникомъ порядка, правосудія и законной власти. Въ басняхъ его выразилось много истинъ. Въ ихъ нравоученіяхъ заключается опытъ и мудрость. Онъ воевалъ со всѣми пороками, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Не задѣвая личностей, онъ умѣлъ сказать въ нихъ правду каждому, и сильному и слабому, и высокому вельможѣ и честному труженику, и даже тому, на котораго смотрятъ всѣ съ презрѣніемъ. Словомъ, книга его басень—книга уроковъ, правилъ и нравоученій для каждаго гражданина, для всякаго человѣка. «Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ во едино», сказалъ писатель Гоголь. Какъ мудреца въ немъ признавали еще при его жизни. Появленіе каждой новой его басни было необыкновеннымъ событіемъ. Журналисты превозносили ихъ, публика выучивала ихъ наизусть. Новыя изданія раскупались на расхватъ. Говорятъ, при жизни его разошлось 70,000 книжекъ его басень. Такой неслыханный спросъ на эту книгу есть лучшее доказательство того, какъ всѣ высоко цѣнили ее. Но Крыловъ, не признававшій въ себѣ столь высокаго таланта, объяснялъ это тѣмъ, что книги его даютъ дѣтямъ, а дѣти рвутъ ихъ. «Злоупотребленія, пороки, происки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе», говоритъ его пріятель Плетневъ. Однимъ словомъ, онъ не оставилъ безъ вниманія ни одного порока и каждый изъ нихъ выставленъ имъ въ какой нибудь баснѣ. Но замѣчательно еще то, какой способъ онъ выбралъ для обличенія пороковъ. Въ его басняхъ рѣдко встрѣчаются дѣйствующими лицами люди: въ нихъ больше дѣйствуютъ звѣри. То лиса подружилась съ волкомъ и надула его, то оселъ и козелъ составили компанію, то медвѣдь зоветъ къ себѣ въ гости волковъ, лисицъ и другихъ звѣрей, то обезьяна собирается подра-

жать людямъ, хочетъ научиться музыкѣ, пользоваться нѣкоторыми изобрѣтеніями человѣка: очками, зеркалами и т. п. Но свойства звѣрей такъ вѣрно и ясно подобраны къ характерамъ людей, что читая его басни, гдѣ говорится про звѣрей и птицъ, каждый сразу пойметъ, что не о звѣряхъ и о птицахъ идетъ толкъ, а о людяхъ, звѣри же выставлены только для виду. Каждый звѣрь, птица и даже неодушевленный предметъ у него служатъ для обозначенія какого нибудь характера или порока людей. Такъ, лиса у него всегда изображаетъ льстеца, хитреца и обманщика, волкъ — человѣка злаго и неблагодарнаго, оселъ—глупаго до крайности. Иногда свойства звѣрей такъ поразительно вѣрно подобраны, что свойства ихъ вошли даже въ поговорку, въ пословицу. Уже одно только названіе ихъ безъ всякихъ объясненій и разсказовъ о ихъ дѣйствіяхъ, сразу опредѣляетъ какую нибудь худую сторону характера человѣка. Напримѣръ, всякій знаетъ, что слова: невѣжество, обезьяничество — обозначаютъ глупое подражаніе. Скажите прямо: обезьяничество, ослиный умъ, медвѣжья ловкость—и все это будетъ понятно для каждаго безъ всякихъ объясненій. Вотъ какіе разительныя сравненія выставлены въ басняхъ Крылова. Слѣдуетъ только прочесть одно заглавіе, какъ уже сейчасъ догадаешься, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Какъ человѣкъ съ прямой и открытой душой, Крыловъ терпѣть не могъ лести. Онъ о ней говоритъ въ первой своей баснѣ:

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да призадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ плѣнилъ.

Плутовка къ дереву на ципочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать такъ право, сказки!
Какія перышки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло;
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Въ этой баснѣ лиса выставлена льстецомъ, который, когда желаетъ чего нибудь добиться, пускаетъ въ дѣло свой языкъ и просто изъ кожи лѣзетъ, восхваляя того, отъ кого надѣется получить что нибудь. Ворона обозначаетъ человѣка глупаго, поддающагося всякимъ убѣжденіямъ и чрезъ это попадающагося часто въ обманъ.

Въ другой баснѣ: Обѣдъ у медвѣдя, лиса, тоже изображающая льстеца, хотя и льститъ медвѣдю, но не пускается въ обманъ.

Обѣдъ у медвѣдя.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,
И созвалъ не одну родню, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей, сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки-ль были то, рожденье, именины,
Но только праздникъ тотъ принесъ медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины!
Медвѣдь примѣтилъ самъ,

Что гости веселы, пирушкою довольны;
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ, и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужь начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: «Ай Миша, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!»
Но волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «Ты врешь, кума, ей ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется.»
— Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ, лиса на то въ отвѣтъ:
Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ!
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ!

Наконецъ, въ баснѣ Хмѣль, льстецъ на тѣхъ, отъ кого онъ не получаетъ прибыли, готовъ взводить кучу всякихъ небылицъ; но только стоитъ попасть въ случай къ льстецу, какъ онъ будетъ превозносить того-же, кого раньше бранилъ.

Хмѣль.

Хмѣль выбѣжалъ на огородъ,
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
«Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ хмѣль жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листъемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?»
Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.

И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой хмѣль ужь вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись—
Онъ первый явится въ передней.

На лесть всегда поддаются люди недальновидные, глупые, а также славолюбивые и хвастуны.

Тщеславіе, то есть желаніе выставить себя передъ другими, не имѣя хорошихъ достоинствъ, осмѣивается Крыловымъ въ другой баснѣ:

Оселъ.

Хоть въ спѣси никому оселъ не уступалъ,
Ослу хотѣлось бы повеличаться:
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться....
И сталъ просить оселъ себѣ большаго роста, говоря:
«А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ»....

Наконецъ ослу былъ данъ большой ростъ.
И сталъ оселъ скотиной превеликой,

А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикой,
Что мой ужасный Геркулесъ *)
Перепугалъ-было весь лѣсъ.
«Что то за звѣрь? какого роду?
Чай онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?»

*) Великанъ.

Ну только и рѣчей пошло, что про осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто оселъ;
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

Смыслъ басни сей найденъ,
Когда подумаешь немножко:
Не лучше-ль вѣкъ изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ.

Изъ этой басни и нравоученія можно вывесть то заключеніе, что глупцу гораздо лучше оставаться въ неизвѣстности, чѣмъ добившись извѣстности, сдѣлаться посмѣшищемъ для всѣхъ.

Въ другой баснѣ объ *ослѣ* говорится, какъ глупецъ сильно платится за домогательство незаслуженныхъ почестей, не разсуждая о томъ, что пока человѣкъ неизвѣстенъ, то не такъ замѣтны за нимъ и пороки; но коль скоро на немъ чинъ или какая другая награда гремитъ, какъ на ослѣ звонокъ, то тогда всякія ошибки и глупости не обойдутся даромъ.

Оселъ.

Былъ у крестьянина оселъ,
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было нахвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ—
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой оселъ; сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ),
И думаетъ: теперь большой онъ баринъ сталъ.
Но вышелъ новый чинъ ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ ослѣ немного чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ иль въ огородъ—
Наѣстся досыта, и выйдетъ тихомолкомъ.

Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ,
И кости у осла остались лишь да кожа.
И у людей въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

Нерѣдко въ жизни случается, что тщеславные люди, желая выказаться передъ другими, держатъ около себя людей неспособныхъ, чтобы ихъ собственныя качества казались для другихъ еще выше. Но часто это доводитъ до худаго, ибо глупые люди, хотя и добрые, иногда приносятъ большой вредъ. Какъ выражается Крыловъ: «*Услужливый дуракъ опаснѣе врага*».

Вотъ его басня:

Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «а лужекъ, а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»

—«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.»
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ-поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,

Да коли хочешь, такъ сосни;
Я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «молчи-жъ, ужъ я тебя, вструху!»
И, у друга на лбу, подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать на долго тамъ остался.

Нерѣдко встрѣчаются люди, которые, по невѣжеству своему, никакъ не могутъ видѣть и понять того, что для человѣка здраво разсуждающаго вполнѣ ясно. Такіе люди видятъ только то, что у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, и своимъ невѣжествомъ наносятъ вредъ тому, отъ чего сами получаютъ пользу. Такая мысль выражена Крыловымъ въ его баснѣ *Свинья подъ дубомъ*.

Другой разрядъ невѣждъ состоитъ изъ людей, которые бранятъ и охуждаютъ хорошія вещи только потому, что сами, по своему неумѣнью, никакъ не могутъ ими воспользоваться и примѣнить ихъ къ дѣлу. Эта мысль высказана Крыловымъ въ баснѣ *Мартышка и Очки*.

Наконецъ есть еще сортъ людей, которые способны замѣчать только худое; для нихъ хорошаго какъ будто вовсе не существуетъ. Во всемъ и всегда они прежде всего ищутъ одно только дурное. Такой примѣръ даетъ Крыловъ въ баснѣ *Свинья*.

Вотъ эти три упомянутыя нами басни.

Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ,
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
—«Пусть сохнетъ, говоритъ свинья:
Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
«Неблагодарная! промолвилъ дубъ ей тутъ:
Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ ростутъ.»

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Мартышка и Очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.

«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшень тамъ и кухонь наслонялась,
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась;
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что жъ, Хавронья, тамъ видѣла такого?»
Свинью спросилъ пастухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другаго?»
Хавронья хрюкаетъ: «Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ».

Но невѣжество само по себѣ еще не такъ смѣшно, когда оно бываетъ скромно и когда невѣжда не старается выказать себя, берясь за дѣло, которое не по его разуму. За то заслуживаетъ не-

вѣжда жестокой насмѣшки, когда онъ, не понимая дѣла, берется о немъ разсуждать и вкривь, и вкось, толкуя при этомъ такой вздоръ, что уши вянутъ и высказывая тѣмъ свое полнѣйшее невѣжество. Такіе наглядные примѣры приведены въ басняхъ: *Оселъ и Соловей* и *Пѣтухъ* и *Жемчужное Зерно*.

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ-бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?»
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры *):
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не можно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:

*) Аврора—заря. Соловей любимцемъ зари или Авроры называется потому, что поетъ только до зари, днемъ же онъ очень рѣдко поетъ.

Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: «куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».
Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Кому не случалось встрѣчать людей, которые при своемъ маломъ умѣ, не замѣчаютъ, что работа ихъ никому не служитъ на пользу, а они между тѣмъ воображаютъ, что дѣлаютъ важное дѣло. Многіе изъ такихъ людей даже обижаются, что другіе не замѣчаютъ ихъ труда и не отдаютъ имъ благодарности. Такіе люди выведены въ басняхъ: *Бѣлка* и *Обезьяна*.

Въ обѣихъ этихъ баснях Крыловъ говоритъ, что всякій трудъ полезенъ только тогда, когда онъ приноситъ пользу другимъ.

Бѣлка.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился:
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,

И раздувался пышный хвостъ.
«Землячка старая», спросилъ тутъ дроздъ: «нельзя-ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»
—«Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большаго;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть».
И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— «Да», улетая дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ».

Посмотришь на дѣльца инаго:
Хлопочетъ, мечется—ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись,
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ

Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ:
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ!

Отдавая справедливость уму, Крыловъ не могъ также терпѣть самохвальства, гордости, тщеславія, которыя недалеко отошли отъ тупости. Такъ въ баснѣ *Двѣ бочки* показано, что безполезный хвастунъ, кромѣ безпокойства для всѣхъ въ родѣ того, какое происходило отъ пустой бочки, летѣвшей вскачь по мостовой, пользы никакой не приноситъ никому. Умный же о своихъ дѣлахъ никому не кричитъ.

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней, по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣломъ истинно—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Вообще же нѣтъ такой человѣческой слабости, нѣтъ смѣшной стороны въ человѣкѣ, чтобы Крыловъ не подмѣтилъ ихъ и не выставилъ въ своихъ баснях. Такъ чванство и самохвальство людей, которые придаютъ своимъ самымъ обыкновеннымъ дѣйствіямъ важный видъ, выставлено имъ въ баснѣ *Муравей*, гордость и нахальное хвастовство—въ баснѣ *Дубъ и Трость*, заносчивость и гордость человѣка, который самъ по себѣ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, а пользуется почетомъ не по своимъ заслугамъ, и достоинствамъ, а по богатству или по чему нибудь другому—въ баснѣ *Мышокъ*. Въ той же баснѣ осмѣивается слабость людей къ деньгамъ, хотя бы человѣкъ, обладающій богатствомъ, не имѣлъ никакихъ другихъ достоинствъ, и въ случаѣ его несчастія тѣ самые люди, которые за нѣсколько дней предъ тѣмъ льстили и кланялись ему только ради его богатства, отвѣчаютъ ему презрѣніемъ. Наконецъ самонадѣянность человѣка и непрочность счастія изображаются въ баснѣ *Старикъ и трое молодыхъ*.

Муравей.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука;
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого праву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно.
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда-ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно-ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ».
И со стыдомъ *отправился домой.*

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

Дубъ и Трость.

Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
«По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,

Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто-бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя-бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой—
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
—«Ты очень жалостливъ», сказала трость въ отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!»
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій аквилонъ *).
Дубъ держится—къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтеръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

*) Такъ называется сильный вѣтеръ.

Мѣшокъ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался.
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ:
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ,
А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
За умничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ, и судитъ:
И то не такъ.
И тотъ дуракъ,
Изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую рѣчь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ

Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго-ль былъ мѣшокъ въ чести, и слылъ съ умомъ,
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.
Мы басней никого обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы, и князья—
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло—милліонъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужь пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужь смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ? *)
Оставь, старинушка, свои работы:

*) Праведный патріархъ, который прожилъ 969 лѣтъ; онъ жилъ еще до всемірнаго потопа.

Тебѣ ли затѣвать толь дальніе расчеты?
Едва-ли для тебя текущій вѣренъ часъ?
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью, и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой».
—«Друзья! смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ,
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно-ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ».
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило:
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.

Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

Но и умному онъ дѣлаетъ сильныя замѣчанія. Такъ въ баснѣ «Прудъ и рѣка», гдѣ подъ прудомъ и рѣкой подразумѣваются люди съ дарованіями, онъ указываетъ на то, что всякій недѣятельный и лѣнивый усыпляетъ свои способности и дарованія и со временемъ совсѣмъ ихъ теряетъ, между тѣмъ, какъ дѣятельный и трудолюбивый, подобно быстро текущей рѣкѣ, за свои дѣла будетъ пріобрѣтать больше и больше славы. Тогда какъ о лѣнивомъ уже всѣ позабудутъ, слава трудолюбиваго будетъ жить еще очень долго.

Прудъ и Рѣка.

«Что это», говорилъ рѣкѣ сосѣдній прудъ:
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ?
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужь я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь,
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
Но картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;
Не только что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,

Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ».
— «А, философствуя, ты помнишь-ли законъ,
Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И ссли стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что кинувши покой,
Послѣдую сему уставу;
Зато по всякій годъ,
Обиліемъ и чистотою водъ,
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.
Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Умнымъ же онъ совѣтуетъ не презирать какимъ-бы то ни было совѣтомъ, но прежде должно обсудить его, такъ какъ и между малыми людьми много отъищется такихъ, которые однимъ только совѣтомъ могутъ принесть великую пользу и даже иногда избавить отъ несчастья; это показано въ баснѣ:

Орелъ и Кротъ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ,
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ, чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати-ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря —
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы,
Но что-жъ? Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно-ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
— «Когда бы ты не презрѣлъ мною»,
Изъ норки кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою

Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй».

Воспитаніе, которое есть основа общественнаго благосостоянія, богатства и славы цѣлаго государства, чаще всего занимало нашего баснописца, хорошо сознававшаго, что если дѣтямъ преподано хорошее и добродѣтельное воспитаніе, то эти дѣти впослѣдствіи сдѣлаются примѣрными гражданами своей страны; если дѣти научены съ раннихъ лѣтъ любить свой языкъ, свои нравы и обычаи, уважать людей, прославившихъ свое отечество, то они будутъ всей душой преданы своему государству и будутъ любить и защищать его не щадя своей жизни. Но не то было у насъ при жизни Крылова. Еще съ начала прошлаго вѣка, когда у насъ мало было ученыхъ людей, многіе старались вызвать изъ-за границы людей ученыхъ и умныхъ для воспитанія нашего юношества. Къ этому стремился императоръ Петръ I и его преемники: Екатерина I, Анна Іоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина Великая. Въ то время высшей степени образованія достигла Франція. Поэтому-то изъ Франціи были вызваны къ намъ учителя для нашего юношества. Этимъ людямъ слѣпо довѣрили воспитаніе дѣтей. Но выборъ учителей былъ неудаченъ: они учили правильно говорить на своемъ языкѣ, пріучали думать и уважать чужое. Они учили уважать великихъ людей Франціи, гордиться славою Франціи и бояться за ея судьбу. Все это укоренилось такъ сильно, что даже правительство не могло ослабить такого сильнаго довѣрія къ французамъ. Крыловъ, тронутый всѣмъ этимъ до крайности, написалъ по этому поводу свою замѣчательную басню:

Воспитаніе Льва.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ, не какъ у насъ: у насъ ребенокъ году,
Хотя-бъ онъ царскій былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ;
А годовалый львенокъ

Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году левъ-отецъ не шуткой думать сталъ
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Кого-жъ бы попросить, нанять или заставить
Царевича царемъ на выучку поставить?
Отдать его лисѣ? Лиса умна,
Да лгать великая охотница она:
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думалъ царь, не царская наука.
Отдать кроту? о немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ:
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ
И словомъ, слава шла,
Что кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взять-ли барса? Барсъ отваженъ и силенъ,
А сверхъ того великій тактикъ онъ;
Да барсъ политики не знаетъ,
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе-жъ царствовать уроки онъ подастъ!
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ недостоинъ.
Короче: звѣри всѣ, и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался неуменъ
И неученъ.

По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, орелъ,
Который велъ
Со львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ львенка воспитать.
У льва, какъ гору съ плечъ, свалило.
И подлинно: чего казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ львенка снарядили,
И отпустили,
Учиться царствовать къ орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,
О львенкѣ ото всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И наконецъ приходитъ срочный годъ,
Царь-левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ; тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: «Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?»
— «Папа», отвѣтствовалъ сынокъ: «я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепелки,
Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки!

Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда-жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды».

Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;
Повѣсилъ головы совѣтъ,
А левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился,
И не добро онъ говоритъ;
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,
Кого звѣрьми владѣть поставила природа,
И что важнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Какъ поразительно мѣтко сравнилъ онъ воспитаніе льва орломъ съ воспитаніемъ русскаго юношества французами. Какая польза для русскаго знать нравы и обычаи чужой страны, а особенно для тѣхъ, которые, напр. дѣти вельможей, приготовляются занять высокія должности и управлять народомъ. Заводить чужіе обычаи и укоренять болѣе нравы было бы столько же смѣшно и невозможно, какъ еслибы левъ заставилъ своихъ звѣрей вить по птичьему гнѣзда.

Но, кромѣ того, что воспитатели-французы учили юношество любить только чужое, они, стараясь дать только наружное воспитаніе, заглушали добрыя свойства души. Уча своихъ учениковъ изящнымъ манерамъ, держаться развязно въ обществѣ, они не только не развивали добродѣтельныхъ сторонъ, но, напротивъ, они укореняли въ своихъ воспитанникахъ нѣкоторые пороки, какъ напримѣръ, расточительность, праздность, презрѣніе къ труду и проч. Противъ всего этого Крыловъ возставалъ еще тогда, когда издавалъ свой журналъ; теперь же онъ по этому поводу написалъ басню:

Червонецъ.

Полезно-ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.
Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни три
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
«Постой-же», думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ».
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натоколокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

Подобно тому, какъ мужикъ вмѣстѣ съ пылью, мѣломъ и кирпичомъ стеръ съ червонца много и золота, такъ что червонецъ потерялъ даже свою цѣну, такъ поступали многіе воспитатели со своими учениками, какъ сказано, давая внѣшнее воспитаніе, часто стирали хорошія качества души.

Въ баснѣ *Бочка* онъ указываетъ на то, что если только съ юныхъ лѣтъ дѣти получатъ вредное ученіе, то послѣ никакія старанія и усилія не искоренятъ ихъ, такъ точно, какъ крестьянинъ не могъ изъ бочки выгнать виннаго духа.

Бочка.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ—вещь святая!
Вотъ, еслибъ дѣло шло о деньгахъ—рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно-бъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все-бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дня она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво-ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни пальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ;
И съ бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.
Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Кто-же, спросятъ, приносилъ къ намъ это ложное ученіе? На это Крыловъ-же отвѣтилъ, что всякое ложное ученіе приходило къ намъ отъ тѣхъ-же иностранцевъ. Его ненависть къ иностранцамъ дошла до того, что онъ всѣхъ ихъ сравнивалъ съ змѣями, потому что каждая змѣя несетъ ядъ для тѣла, а каждый иностранецъ несетъ ядъ нравственный, душевный. Въ баснѣ *Крестьянинъ и змѣя* онъ говоритъ, что хотя змѣя клялась въ своей добротѣ и что она самая добрая змѣя, однако мужикъ не согласился принять ее къ себѣ уже потому, что лучшая змѣя никуда не годится.

Крестьянинъ и змѣя.

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не по пустому жить безъ дѣла;
Нѣтъ, няньчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще нажитый трудомъ!
«Я знаю», говоритъ она, «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть; но я не такова:
Я съ роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать-бы дала,
Когда-бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ змѣй.
Суди-жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
—«Коль это, говоритъ крестьянинъ, и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:

Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится».
Отцы, понятно-ль вамъ, на что здѣсь мечу я?..

Разсуждая о ложномъ ученіи, онъ говоритъ, что часто даже сами наставники ложнаго ученія впослѣдствіи могутъ быть наказаны своими-же учениками. Это онъ выставилъ въ баснѣ *Мальчикъ и Червякъ*.

Мальчикъ и Червякъ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать;
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.
Крестьянина червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно:
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: «какъ пристанища не дать?
Ужли отъ червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ.»
Позволилъ: и червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ:
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.

Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ:
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто-жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся?—Червякъ.
«Послушай», говоритъ: «я знаю это точно,
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ не прочно;
Однакожъ я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать».
Условье сдѣлано: мальчишка согласился,
Червякъ—на яблоню, и работать пустился;
Онъ яблоко съ минуту подточилъ.
Но что-жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ червякъ долой,
То мальчикъ червяка расплющилъ подъ пятой,
И такъ ни червяка, ни яблока не стало.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Крыловъ опять заговорилъ о воспитаніи. Хотя страсть къ иностраннымъ воспитателямъ стала охладѣвать, однако многіе дѣтей своихъ поручали воспитывать, какъ говоритъ онъ, *наемничьимъ рукамъ*, т. е. нанимали воспитателей и воспитательницъ (гувернантокъ), а также отдавали въ казенныя заведенія на полное воспитаніе, слагая всякую обязанность по воспитанію дѣтей своихъ. Возставая противъ этого, онъ написалъ басню:

Кукушка и Горлица.

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково голубка ворковала:
«Или о томъ, что миновала,
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?»
— «Какъ бѣдной мнѣ не горевать?
Кукушка говоритъ.—Будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ съ курицы дождемъ по зву цыпляты,
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю.»
«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.
Скажи-жъ; такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала.»
— «Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я сидя растеряла;
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала.»
«Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей горлинка на то сказала.
Отцы и матери! вамъ сей урокъ.

Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье.
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

Удивляться надо справедливости словъ этой басни: какъ могутъ требовать родители повиновенія отъ тѣхъ дѣтей, которыя выросли въ разлукѣ съ ними съ малыхъ лѣтъ?

Прошло уже около семидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти послѣднія басни, но учить ихъ надо и теперь родителямъ. Но кто ожидалъ, чтобы тѣ басни, которыя когда-то были написаны въ наставленіе родителей знатныхъ, теперь служатъ поученіями для родителей простаго званія? Скажутъ: да развѣ крестьяне нанимаютъ для своихъ дѣтей учителей? Правда, крестьянскіе отцы учителей не держатъ, но правда, что они поступаютъ часто такъ, какъ сказано въ этихъ басняхъ. Кому неизвѣстно, что съ нѣкоторыхъ поръ крестьянскіе отцы, подъ предлогомъ, что *будто-бы дома нечего пѣсть*, стали приводить своихъ дѣтей въ столицы и многолюдные города, и здѣсь оставляютъ ихъ въ мальчикахъ по трактирамъ, гостиницамъ и разнымъ мелочнымъ лавкамъ. За свой трудъ они или ничего не получаютъ, а если и получаютъ, то самый пустякъ. Но отцы оставляютъ ихъ съ охотой, говоря: «Пусть научатся», или: «Онъ еще въ ученье только отданъ». Но вотъ оканчивается ученье, и мальчикъ поступаетъ на жалованье; но жалованье ему кладутъ не ахти-какое, а если посчитать, что изъ этого же жалованья надо иногда чисто одѣваться, то остается пустякъ, или ничего. Проживетъ сыночекъ до двадцати лѣтъ въ городѣ, и вздумается отцу вызвать его въ деревню къ себѣ. Пріѣхалъ сынъ, но подмоги не привезъ, и много, много—если привезетъ новые сапоги да шапку. А спроситъ отецъ: чему жъ ты учился? То сынъ, пожалуй, отвѣтитъ точь-въ-точь, какъ молодой левъ отвѣтилъ старому: «Я знаю посуду мыть, ножи да вилки чистить, полы мести, столы убирать, вино подавать, да гостямъ прислуживать», и еще много чего наговоритъ. А годится-ли все это для хозяйства? Врядъ-ли. Въ ме-

лочныхъ лавчонкахъ, кромѣ плутней, ничему не научится. Отвѣсить товаръ—вещь не трудная, къ нему можно пріучиться очень скоро, только не ребенку. Ребенокъ-же, разумѣется, будетъ даже учиться всѣмъ этимъ пустякамъ, потому что ребенку все дается не такъ скоро, какъ взрослому. И вотъ его начнутъ учить, да такъ учить, какъ мужикъ червонецъ чистилъ, потому что, какъ давно сказалъ одинъ ученый монахъ,—чинъ купецкій безъ грѣха едва можетъ быть, т. е. въ торговомъ быту есть много такихъ случаевъ, когда приходится быть недалеко отъ того, что трудно бываетъ удержаться отъ лукавства, лжи и другихъ пороковъ. Взрослый и при этомъ неиспорченный всегда съумѣлъ бы удержаться отъ этого, но ребенокъ скоро принимаетъ все такъ сильно, что скоро будетъ считать всѣ эти пороки дѣломъ обыкновеннымъ и безпорочнымъ.

Научить ребенка плутнямъ очень легко; но эти плутни и обманы уже ни за что не выйдутъ изъ него, какъ винный духъ изъ бочки, потому что, какъ сказалъ Крыловъ въ этой же баснѣ:

Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней,
Стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Да, слѣдуетъ убѣгать такого ученья, убѣгать какъ змѣи, потому что оно—ядъ, и гнать его отъ себя, какъ крестьянинъ гналъ змѣю. Вотъ такія-то дѣти чаще всего оказываютъ неповиновеніе своимъ родителямъ.

Но если ужь дѣйствительно надо родителямъ отдавать своихъ дѣтей въ ученіе, или во служеніе, то развѣ нельзя выбрать чего-нибудь получше, гдѣ-бы ребенокъ могъ учиться и трудиться, но не научился бы пустякамъ и не привыкъ къ порокамъ?

Разобравъ со всѣхъ сторонъ вопросъ о воспитаніи въ частности, Крыловъ не оставилъ безъ вниманія и вопроса о просвѣщеніи во всей странѣ. Въ баснѣ Водолазы онъ указалъ, какъ безразсудно увлекаться непосильнымъ ученіемъ, такъ точно и глупо—лѣниво браться за него. Но умѣя извлекать выгоды изъ просвѣщенія, можно доставить богатства и счастье всей странѣ.

Водолазы.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе-ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ-ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе-ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью,
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ некудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ: да иль нѣтъ;
То-есть, ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по прежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однакожъ какъ совѣтъ ни толковалъ—
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской—
Всякъ только дѣло затемнялъ,
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣе бы разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали,
Что все ученье бредъ,

Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя, и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ;
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И еслибы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ какъ царь казною не шутилъ,
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ тѣмъ часъ-отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Ротъ, какъ-то вышелъ онъ, сей мыслей занятъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе-ль полезны или вредны?
«Царь!» старецъ отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны».
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:

«На берегу, близь моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей;
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И, ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей
Не рыбой—жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ
Всегда по берегу скитался;
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И, жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросить къ нему волной;
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ ни мало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать ко дну:
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
Хоть жемчугъ находить близь берега и можно,
Но кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда-бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять.

Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся: но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.—
О, царь! примолвилъ тутъ мудрецъ:
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

Другой важный вопросъ, который занималъ нашего баснописца и который онъ разобралъ и разсмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ до мелочей,—это вопросъ о неумѣньѣ правильно понимать должностныя обязанности, свой собственный разсчетъ при выполненіи этихъ обязанностей, неуваженіе къ закону, служеніе лицамъ. а не дѣлу, злоупотребленіе довѣріемъ правительства и начальствующихъ лицъ, взяточничество и казнокрадство. Къ уничтоженію этихъ пороковъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ стремились даже правительство и цари нашего государства.

Императоръ Петръ Великій и всѣ его преемники всѣми силами старались уничтожить всѣ эти пороки. Возставало противъ этого много также писателей, наконецъ въ своихъ басняхъ задумалъ порицать эти пороки и дѣдушка Крыловъ.

По поводу этого вопроса, онъ написалъ много басень, и басни эти служатъ разъясненіемъ каждой части этого вопроса.

Часто многіе, занимая какую-нибудь должность, стараются только о томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ похвалу и славу за свою службу; между тѣмъ какъ есть люди, которые цѣлый вѣкъ трудятся и не стремятся къ тому, чтобы ихъ труды были отличены. Объ этомъ онъ прекрасно сказалъ въ баснѣ «Орелъ и Пчела». Онъ говоритъ, что счастливъ тотъ, кто несетъ высокую обязанность; но какъ безгранично добродѣтельна душа и того, кто, подобно пчелѣ, трудится въ неизвѣстности и не ищетъ себѣ похвалъ, но довольствуется уже только тѣмъ, что трудится для общей пользы.

Орелъ и Пчела.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто-же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что-жъ имѣть въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя показаться»

На презрительную рѣчь орла, который не понимаетъ, какъ можно трудиться, не имѣя въ виду наградъ за труды и зная напередъ, что, проведя всю жизнь въ тяжкомъ трудѣ, умрешь въ безъизвѣстности—

Пчела отвѣтствуетъ: «тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,

Не отличать ищу своей работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

Слова этой басни—говоритъ Гоголь—останутся вѣчнымъ доказательствомъ, какъ благородна была душа самаго баснописца. Благородная душа Крылова не могла не скорбѣть, видя, какъ многіе, попирая законъ, просто какъ-бы торговали имъ, наблюдая только свои собственныя выгоды. Это заставляло правительство прибѣгать къ крутытъ мѣрамъ, но и это не помогло, потому что, говоритъ Крыловъ въ своей баснѣ:

Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей—
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

И вслѣдъ за этимъ приводитъ довольно наглядный примѣръ:

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ,
Стараньемъ кумушки лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы,
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали-бы, что смотритъ левъ на лицы,
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что-же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то-бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ написалъ цѣлый рядъ басень, въ которыхъ выяснилъ, какой вредъ для общества оттого, что нѣкоторые допускали къ должностямъ людей не только неспособныхъ къ честному труду, но уже заслужившихъ позорную извѣстность; онъ сильно укорялъ тѣхъ людей, которые изъ-за дружбы или разсчетовъ жертвовали государственными и общественными интересами: сажали волка старостою въ овчарню, лисицу—судьею въ курятникѣ, поручали медвѣдю стеречь пчелъ, волкамъ пасти овецъ; не щадилъ и тѣхъ, которые покровительствовали бездарныхъ: глупыхъ слоновъ назначали воеводами, осламъ поручали стеречь огороды.

Когда нѣкоторые люди утверждали, что вся сила государства основана на военной власти, гражданскія же власти въ ихъ глазахъ мало значатъ, онъ написалъ басню:

Пушки и паруса.

На кораблѣ у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О, Боги! видано-ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы—громимъ въ боях!
Не нами-ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы-ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети-же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»

Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ, и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что-жъ? Корабль, безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Эту басню онъ заключилъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Въ баснѣ *Листы и корни* онъ указалъ на то, что всякія сословія нужны и полезны для государства, даже и тѣ, которыя стоятъ ниже всѣхъ и которыхъ даже незамѣтно такъ, какъ не видно корней у дерева, и что сословія эти не должны враждовать между собою.

Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Неправда-ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что-бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,

Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы-ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы-ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами»
— Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.—
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы по дереву шумя, залепетали.
— Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.»

Не менѣе также замѣчательна басня *Конь и Всадникъ*. Кромѣ того въ этой баснѣ разсказъ такъ удачно подобранъ и сравненъ съ духомъ народа, что онъ сразу дѣлается понятнымъ и объясненія всякія совершенно излишни.

Конь и всадникъ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.

«Такихъ коней и взнуздывать напрасно»,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну право, вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю конь ретивый:
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ всадника ужъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широво поле.
Напрасно на него несчастный всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя узды —
Управилъ бы навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ столь жалкой не погибъ!»

Какъ ни прельщива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

Но не одни только общественные вопросы занимали нашего баснописца. Онъ касался всѣхъ вопросовъ жизни и въ своихъ басняхъ даетъ ясные и вѣрные отвѣты, такіе отвѣты, которые всегда и во всякое время могутъ быть пригодны для каждаго человѣка.

Добродѣтели нашли въ немъ сильнаго защитника, а пороки—сильнаго обличителя. Басня Лань и дервишъ можетъ служить лучшимъ урокомъ безкорыстныхъ и добродѣтельныхъ поступковъ.

Лань и дервишъ.

Младая лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягчены,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
«О, безразсудная!» сказалъ: «къ кому любовь;
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь».
— «Быть можетъ, лань на это отвѣчала.—
Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать».

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

Въ баснѣ Водопадъ и ручей говорится, что добродѣтель бываетъ большею частью незамѣтна; она не блистаетъ красотой, пышностью,

богатствомъ или величіемъ; но кто, замѣтивъ ее, прибѣгаетъ къ ней, тотъ находитъ великое исцѣленіе.

Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своей):
«Не странно-ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лѣчиться»,
Смиренно прожурчалъ ручей.

Дружбѣ, товариществу и согласію онъ посвятилъ нѣсколько басень, въ которыхъ въ разныхъ видахъ выставилъ, какой можетъ произойти вредъ и даже несчастіе, когда люди начнутъ пренебрегать этими священными обязанностями.

Въ басняхъ Котелъ и горшокъ, и Роща и огонь указано на то, что друзей надо выбирать равныхъ себѣ, и такихъ, которые бы не искали корысти отъ дружбы.

Онъ высказалъ великую истину, сказавъ, что равенство въ любви и дружбѣ — вещь святая.

Котелъ и горшокъ.

Горшокъ съ котломъ большую дружбу свелъ;
Хотя и познатнѣй породою котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И, у огня имъ порознь скучно;
И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,

И съ очага, и на очагъ.
Вотъ вздумалось котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ;
Горшокъ нашъ отъ котла никакъ не отстаетъ,
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка горшку большой накладъ;
Однакожъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой котелъ съ дороги воротился,
А отъ горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,

И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»
— «Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
«Бездѣлица!» огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

Въ баснѣ Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ указано на то, какъ низка душа тѣхъ людей, которые кидаютъ своихъ друзей въ тяжкую и трудную минуту.

Собака, человѣкъ, кошка и соколъ.

Собака, человѣкъ, да кошка, да соколъ
Другъ другу повлялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялись, утомились,
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ — на воздухъ, кошка — въ лѣсъ,
Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ, и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхвативъ ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.
На языкѣ легка и ласка, и услуга;

Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что, такъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

Что въ товариществѣ также должно быть согласіе, иначе дѣло будетъ терпѣть неудачу, показано въ басняхъ Лебедь, Щука, Ракъ и Раздѣлъ.

Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ —
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ.
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды лебедь, ракъ, да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ — судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?

Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «Ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой:
«Я съ мѣста не сойду долой».
«Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!»
Еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны
Да какъ, за что и почему?»
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

Въ басняхъ Собачья дружба и Крестьянинъ въ бѣдѣ выставлены тѣ люди, которые о своей дружбѣ любятъ говорить только на словахъ; но если коснется дѣла, то всѣ на попятный дворъ, а въ случаѣ чего, то не прочь даже и подраться изъ-за пустяковъ.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы, при томъ,

Ни на кого не лаютъ днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ», говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спить бозъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя-ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если-бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы-бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».
— «А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
При томъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней.
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей
Почти совсѣмъ не видно.»
«Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»—«Вотъ она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и прировняться;
«Орестъ мой!»—«Мой Пиладъ!» *) Прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

*) Орестъ и Пиладъ были въ древности извѣстные друзья.

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ,
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.
Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
Послушать—кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру ходи съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя-ли», говоритъ, «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»
Сватъ Климычъ говоритъ: «впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить!»
«Эхъ, братцы, это все не такъ»,

Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любаго
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.»
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.
На свѣтѣ таковожъ: коль въ нужду попадешься
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ—
И нѣмъ и глухъ.

Часто люди ищутъ дружбы съ другими только потому, что нуждаются въ посторонней помощи; но какъ только помощь оказана, то другъ не только не нуженъ, но даже не получаетъ обѣщанной награды за свои услуги, подобно тому, какъ въ басняхъ Два мальчика и Волкъ и журавль; помогавшій доставать каштаны не пользовался ими, а журавль даже чуть не поплатился жизнью за то, что потребовалъ себѣ награды за услугу.

Два мальчика.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣсть, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!»
— «Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣсть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»
«И, милый, да на что-жь догадка!

Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся,
И досыта каштановъ наѣдимся».
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье.
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что-жъ? Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюшка самъ въ верху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться на верхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали.

Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть,
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить

И просить горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись, впередъ ты мнѣ не попадайся!»

Крыловъ требовалъ отъ людей правды и искренности, требовалъ, чтобы они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Люди бездарные, которые, благодаря милости важныхъ и достойныхъ лицъ, достигли высокаго положенія, но послѣ начинаютъ гордиться передъ этими же вельможами, въ его глазахъ кажутся самыми неблагородными, низкими и подлыми. За свою гордость они сильно платятся, такъ какъ оставленные безъ помощи, по своей бездарности не могутъ удержаться и летятъ внизъ подобно пауку, который хотѣлъ затмить солнце тому орлу, на хвостъ котораго взобрался на скалу.

Орелъ и паукъ.

За облака орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.
«Хвала тебѣ Всесильный, что управляя свѣтомъ,

Ты наградилъ меня такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты»,
Орелъ къ Всесильному взываетъ.
«И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ».
— «Какой же ты хваступъ, какъ погляжу!»
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ:
«Да ниже-ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?»
Орелъ глядитъ: и подлинно, паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И кажется орлу заткать онъ солнце хочетъ.
«Ты какъ на этой высотѣ?»
Спросилъ орелъ: «и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ,
А ты безъ крылъ и слабъ, неужли ты доползъ?»
— «Нѣтъ, я-бъ на это не рѣшился».
«Да какъ же здѣсь ты очутился?»
— «Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ;
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться,
И такъ передо мной прошу не величаться,
И знай, что...я». Тутъ вихрь отколѣ ни возьмись,
И сдунулъ паука на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи,
А надуваютъ грудь,
Какъ будто-бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

Не оставилъ онъ безъ урока и тѣхъ, которые, разбогатѣвъ немного, хотятъ попасть сразу въ знать и почетъ. Въ вступленіи къ баснѣ Ворона онъ говоритъ:

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не родился;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ,

Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ довольно смѣшной и забавный разсказъ:

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеньемъ знатнаго двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она, было, назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

А въ заключеніе говоритъ:

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что-жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась·

И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.

Но не оставляетъ безъ урока и тѣхъ, которые, будучи потомки знатныхъ, сами ничего не заслужили, а между тѣмъ хотятъ, чтобы ихъ такъ же уважали и почитали, какъ и ихъ заслуженныхъ предковъ.

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный!
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто-бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ *),

*) За 200 лѣтъ до Рождества Христова на городъ Римъ напали дикіе народы Галлы (нынѣшніе французы), завоевали городъ, но не могли взять самой главной части города, называвшейся Капитоліемъ (то-же, что, въ русскихъ городахъ Кремль). Выбравъ темную, непогодную ночь, они хотѣли незамѣтно взобраться на стѣну Капитолія, но когда нѣкоторые изъ нихъ уже взбирались на верхъ стѣны, то находившіеся недалеко отъ того мѣста гуси подняли крикъ; этимъ крикомъ были разбужены воины и непріятель былъ прогнанъ. Послѣ этого въ Римѣ былъ учрежденъ праздникъ въ память избавленія отъ нашествія Галловъ. По улицамъ носили откормленнаго гуся, а народъ кормилъ его изъ рукъ лучшимъ зерномъ, а позади вели на веревкѣ собаку и всѣ били ее палками до тѣхъ поръ, пока не убивали. Это изображало то, что собаки, какъ сторожа человѣка, должны были скорѣе услышать непріятеля.

Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. «Да наши предки»...— «Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Римъ спасли!»
— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
«Мы? ничего!»—Такъ чтожь и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь,
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».
Баснь эту можно-бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Говоря о сплетничествѣ, въ баснѣ Прохожіе и собаки Крыловъ совѣтуетъ никогда не обращать вниманія на сплетниковъ. Если весь ихъ вздоръ и сплетни оставляются безъ вниманія, то тогда они увидятъ, что безсильны и замолчатъ; но если только начать защищаться, то эти же клеветники поймутъ, что слова ихъ не пропали даромъ и подымутъ еще большій лай.

Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ, три и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.
«И полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю,
Пойдемъ впередъ! я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по малу затихать,

И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.
Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

Клеветниковъ баснописецъ раздѣляетъ на два рязряда: одни могутъ вредить, хотя и сильно, но только вблизи, открыто въ глаза; другіе же приносятъ столько вреда и клевета ихъ такъ сильна, что отъ нихъ не спасешься ни за горами, ни за морями.

Клеветникъ и змѣя.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ не знаютъ,
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому-то въ аду
Змѣя съ клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенство оставить не хотѣли,
И зашумѣли:
Кому изъ нихъ идти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ береть,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ;
Такъ въ спорѣ семъ, и жаркомъ, и немаломъ,
Передъ змѣею клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ змѣя своимъ хвалилась жаломъ,
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ, клеветникъ, было, за ней ужъ очутился,
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился,
И осадилъ назадъ змѣю,
Сказавъ: «хоть я твои заслуги признаю,

Но первенство ему по правдѣ отдаю:
Ты зла, твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!)
Но можешь-ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ, и будь впередъ смирнѣй».
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

Наконецъ, приводимъ здѣсь еще нѣсколько басенъ Крылова, которыя служатъ нравоученіемъ для разныхъ случаевъ. Басни эти такъ понятно написаны, что не требуютъ никакого поясненія.

Бѣдный богачъ.

«Ну, стоитъ-ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ!
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ;
Нѣтъ, еслибъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только-бы рубля, я-бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко-бъ было слышно;
Я дѣлалъ-бы добро другимъ,
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа».
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ—что бѣсъ,
Послѣднее едва-ли не вѣрнѣе;
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ и началъ такъ: «Ты хочешь быть богатъ,

Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ, червонецъ въ немъ не болѣ,
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
И такъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми-жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька».
Сказалъ, и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что-жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужь въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
«Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастіе продлится,
Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ завтра-же богатъ я буду,
И заживу, какъ сибаритъ». *).
Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.
«То правда», говоритъ, «теперь я сталъ богатъ;
Да кто-жъ добру не радъ!
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на домѣ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужь такъ и быть, еще я поговѣю

---

*) Сибаритами назывались жители одной римской провинціи, жившіе всѣ почти очень роскошно. Слово это теперь служитъ для обозначенія большой роскоши.

Одинъ денекъ;
А впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю».
Но что-жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту-жъ работу.
День кончится, и, по его разсчету,
Ему всегда чего нибудь недостаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ—воротится опять.
«Какъ можно», говоритъ, «отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою само льется?»
И, наконецъ, бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужь и о пышности онъ болѣ не смѣкаетъ:
Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,
Утратилъ все: но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы онъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... И чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

Скупой.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
Отъ демонскаго воеводы,
Летѣть за тридевять земель на многи годы;
А служба такова: хоть радъ или не радъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Какъ безъ себя сокровище сберечь?

Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя:
Расходы надобно большіе;
Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть,
Нельзя ручаться ни за сутки:
И вырыть могутъ, и украсть;
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ, и вздумалъ, наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ скупому
И говоритъ: «Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньѣ въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись,
И трать ихъ безъ боязни!
Когда же придетъ смерть твоя,
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»
Сказалъ—и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
Исправя службу, домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что-жъ видитъ? О, восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ,
И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

Когда у золота скупой не ѣстъ, не пьетъ,
Не домовому-ль онъ червонцы бережетъ?

Миронъ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди—а едва-ль сосѣди и не правы—
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.
И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ—
Они не заперты никакъ.
«Ахти!» подумаютъ: «бѣдняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить и наѣдаться —
Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: «нельзя Мирону надивиться,
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,
И трудно до него добиться;
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться».

Видѣть случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты;
Да только все собаки виноваты—
Мироны-жъ сами въ сторонѣ.

Пастухъ.

У Саввы пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ

Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада,
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковина», твердитъ народъ:
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи;
Но отъ чего-жъ у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья, пустой нашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва.

Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жѝла
Лиса у проруби пила въ большой морозъ,
Межъ тѣмъ, оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко-бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй,
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ,
А между тѣмъ, авось и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.

Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда сюда метаться;
Но ужь отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжалъ: «Другъ милый! Кумъ! Отецъ!»
Кричитъ лиса: «Спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!»
Вотъ кумъ остановился,
И въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ, безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужь рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй —
Остался-бъ хвостъ у ней.

Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ въ запуски его дѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шли подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.

Поднялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ-бъ его начать, лишь мѣсто выбираетъ.
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?»—«За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай, колетъ: всю испортилъ шкуру!»

Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали;
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ, что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да что осталось каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички нерекрестились,
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить

(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята», говоритъ: «вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему».
— Какой наборъ?—«Да такъ! Есть слухъ—война съ Китаемъ:
Нашъ батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и подъ часъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу—и щи, и кашу, все пріѣлъ.

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

Троеженецъ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о томъ донесся слухъ
(А царь былъ строгъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься-бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье.
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,

Повѣшу тутъ-же всѣхъ судей вокругъ стола».
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую-бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что все онѣ людей отъ зла не отучаютъ;
Однакожъ, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ, съ общаго сужденья,
Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

Разборчивая невѣста.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха;
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ-бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто-жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любилъ ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ, и мысли тонки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ—
Не женихи, а женишонки!
Ну какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ-бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Но только женихи середней ужь руки.
«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по нихъ-ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду-ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ-будто-бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужь стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужь стала дѣвой зрѣлой:
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ-будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,

Что каждый день, и что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ—живости въ глазахъ,
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ-будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье непрелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ, ахъ, ее зовутъ ужь на бостонъ! *)
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться.
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался пошла:
И рада, рада ужь была,
Что вышла за калѣку.

Фортуна въ гостяхъ.

На укоризну мы фортунѣ **) тороваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все, про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ гоститъ и у царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостить когда-нибудь пристанетъ,

*) Востонъ—картежная игра.
**) Фортуна—счастье.

Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ:
Когда-жъ ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не фортунѣ ты—себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

Домишка старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться.
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто, что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина фортуны въ томъ была.
Вотъ, невидимкой къ нимъ фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія-бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка-ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ большой на всемъ онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ *), богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною-бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ,

*) Крезъ былъ царь одного древняго народа. Крезъ имѣлъ несмѣтныя богатства.

Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь: у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: что-жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно и ему фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ-ли въ томъ гораздъ,
А тутъ труды его не втуне:
Какъ ни взмахнетъ рукой—благодаря фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще при томъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.
Читатель, будь ты самъ судьею:
Кто-жъ въ этомъ виноватъ?

Ужъ и подлинно есть много людей, которые вмѣсто дѣла мухъ ловятъ.

Прихожанинъ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель;
За то уже другой,
Какъ хочешь сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.

Въ этихъ словахъ говорится о томъ, что человѣку стоитъ только заслужить извѣстность и расположеніе людей, то что бы онъ ни дѣлалъ, что бы онъ ни говорилъ,—все будетъ хорошо и за все его будутъ превозносить. За то люди, не находящіеся въ извѣстности, какъ-бы они ни были умны и какъ-бы много они хорошаго ни дѣ-

лали, но ихъ не только не будутъ замѣчать, но уже будутъ бояться считать такими.

Дальше онъ говоритъ:

Хоть можетъ быть, я тѣмъ немного досажу,
Но вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона *) былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла,
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,
Возъемля къ небесамъ, всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда-жъ изъ божьяго міряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?» — Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Но однако онъ видѣлъ, что на нѣкоторыхъ людей не дѣйствуютъ никакіе уроки. Какъ-бы и что-бы имъ ни говорили, просто, какъ говорится въ пословицѣ,—хоть колъ на головѣ теши, они и тогда не

*) Платонъ, митрополитъ Московскій, былъ великій ученый; онъ прославилъ себя особенно своими проповѣдями, которыя своимъ краснорѣчіемъ, убѣдительностью и простотою, приводили въ удивленіе всѣхъ. Его ученость извѣстна даже заграницей.

сознаются въ своихъ порокахъ; выставьте передъ ними всѣ дѣла ихъ, чтобы они могли видѣть ихъ какъ самихъ себя въ зеркалѣ, и тогда они станутъ удивляться и говорить: «Есть же люди!.. Еслибы былъ на нихъ похожъ, то право умеръ-бы съ тоски!» Пусть имъ говорятъ то же, что въ баснѣ «Зеркало и обезьяна» сказалъ мартышкѣ медвѣдь, они и то не будутъ обращать вниманія на эти слова. Все это нашъ баснописецъ отлично изобразилъ въ баснѣ «Зеркало и обезьяна».

Зеркало и Обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
«Смотри-ка», говоритъ: «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какія у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась-бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть,
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.
Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ;
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ,
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою кивaетъ на Петра.

Иногда Крыловъ писалъ свои басни исключительно только для какого-нибудь случая. Такъ въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова, гдѣ Крыловъ былъ членомъ, иногда случалось, что читали хотя и интересныя сочиненія, но до того длинныя, что утомляли слушателей. Крыловъ, видя это и желая дать понять объ этомъ, написалъ свою басню «Демьянова уха». Когда онъ привезъ ее, то въ этотъ

вечеръ читали особенно длинное сочиненіе, утомившее слушателей. Наконецъ чтеніе окончилось, и Иванъ Андреевичъ вынулъ листокъ бумаги и началъ читать:

Демьянова уха.

«Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуста покушай.»
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку! Послушай:
Ушица, ей-же-ей на славу сварена!»
„Я три тарелки съѣлъ“—«И полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она!
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за то ужь чванныхъ не терплю.
Ну, скушай-же тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,

И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Содержаніе басни такъ кстати подошло къ случаю, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила баснописца, который своею баснью развеселилъ всѣхъ.

Когда въ 1812 году Наполеонъ, побѣдивъ всю Западную Европу собралъ несмѣтныя полчища и двинулся на Россію, думая что и эту страну ему удастся такъ легко завоевать, какъ Западную Европу, но послѣ нѣсколькихъ неудачъ, увидѣлъ, что ошибся и, предвидя еще большія неудачи, запросилъ мира, но мира не послѣдовало,— тогда нашъ баснописецъ все это прекрасно изобразилъ въ своей баснѣ «Волкъ на псарнѣ». Волка онъ сравнилъ съ Наполеономъ, главнокомандующаго Кутузова съ ловчимъ. Басня эта была прислана въ штабъ. Кутузовъ, въ собраніи всего штаба и многихъ генераловъ чиновниковъ и офицеровъ, началъ звучнымъ и веселымъ голосомъ читать:

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарній дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая, и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ

Ему разчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я пріятель сѣдъ,
(*При этихъ словахъ Кутузовъ снялъ свою фуражку и потрясъ своею сѣдою головою*).
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Едва окончилъ графъ чтеніе этой басни, какъ во всѣхъ концахъ собранія раздался громкій хохотъ и веселыя восклицанія.

Слова Крылова: „съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“ сдѣлались полнымъ предсказаніемъ изгнанія французовъ.

Слова Благословеннаго Императора: „Не положу оружія, доколѣ ни одного врага не останется въ Россіи“ навсегда останутся въ памяти каждаго русскаго. Скоро была объявлена народная война. Дворяне и купцы спѣшили жертвовать свои капиталы, а крестьяне и всѣ, кто только могъ взять въ руки оружіе, составляли отряды. Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ Бородинской битвы, въ день Рождества Христова, по всей Россіи служили благодарственные молебны объ избавленіи Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна часто жаловала нашего баснописца. Лѣтомъ, когда онъ жилъ на дачѣ въ Пріютинѣ, Государыня нерѣдко приглашала его въ Павловскъ. Разъ какъ-то онъ заболѣлъ. Государыня, узнавъ объ этомъ и зная, что за нимъ некому при-

смотрѣть, велѣла перевезти его въ свой дворецъ и поручила ухаживать за нимъ. Когда онъ выздоровѣлъ, то въ благодарность за великую милость Императрицы онъ оставилъ въ одной книгѣ написанную имъ басню:

Василекъ.

Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило:
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь жукъ:
„Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь?
И вянешь ты или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы!
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты!
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ;
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,

И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!“
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи,
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,
Былинкѣ-ль, кедру ли, благотворитъ равно,
И радость по себѣ, и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Всѣмъ извѣстно, что когда Крыловъ умеръ, то на гробѣ лежали вѣнки изъ засохшихъ цвѣтовъ; эти вѣнки были сдѣланы изъ букетовъ, которые Императрица дарила нашему баснописцу, а онъ ихъ всегда хранилъ какъ драгоцѣнность.

Изъ приведенныхъ здѣсь басень можно видѣть, какіе великіе уроки и наставленія даетъ Крыловъ въ нихъ. Никого онъ не пропуститъ безъ вниманія.

Многіе говорятъ, что басни его—для дѣтей. «Нѣтъ, его басни отнюдь не для дѣтей, говоритъ Гоголь.—Правда, дѣтей можетъ завлекать легкій и занимательный разсказъ ихъ. Но смыслъ и значеніе врядъ ли могутъ быть понятны и взрослому безъ разъясненія. Его басни — книга мудрости и уроковъ для каждаго гражданина, на какой бы должности и среди какого бы общества онъ ни жилъ».

Но замѣчательно то, что Крыловъ и самъ былъ таковъ, какимъ онъ показалъ себя въ басняхъ. Гордость, тщеславіе и происки были чужды ему. Онъ былъ до крайности добръ, снисходителенъ, ласковъ, сострадателенъ, а главное—довольствовался всегда своимъ положеніемъ. Занимая мѣсто библіотекаря, онъ довольствовался этой скромною должностью и никогда не мечталъ о томъ, чтобы получить

повышеніе по службѣ, хотя и имѣлъ на это право. Выше было сказано, что онъ не искалъ наградъ; за-то, какъ бы въ благодарность за это, онъ никогда и не былъ забываемъ. Еще въ 1814 году, «въ уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности»—какъ сказано было въ именномъ указѣ—онъ былъ Высочайше пожалованъ въ чинъ коллежскаго ассесора; за тѣмъ постепенно онъ былъ награждаемъ, и въ 1830 году получилъ чинъ статскаго совѣтника; кромѣ того онъ имѣлъ кресты Владимірскій и Анненскій и звѣзду Станиславскую. Въ первый годъ службы его при библіотекѣ, Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ производить ему, сверхъ жалованья, пенсіи 1,500 рублей ассигнаціями; спустя восемь лѣтъ, пенсія эта была удвоена, а въ 1834 году, *въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности*, пенсія была еще удвоена т. е. онъ теперь получалъ 6,000 руб. ассигнаціями.

Въ 1831 году, Государь Николай Павловичъ изволилъ прислать Наслѣднику престола, въ новый годъ, въ числѣ прочихъ подарковъ, бюстъ Крылова (головная статуйка); въ этой Монаршей милости выразились: почесть, любовь и уваженіе къ нему.

Въ 1838 году 2 февраля исполнилось семьдесятъ лѣтъ со дня его рожденія и пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сочинилъ свою піесу *Филомена*, напечатанную въ сборникѣ Академіи наукъ. Всѣ литераторы вспомнили объ этомъ и пожелали отпраздновать юбилей знаменитаго баснописца. Министръ народнаго просвѣщенія, получивъ соизволеніе Его Величества, далъ знать Оленину. Праздникъ постановлено было устроить въ домѣ дворянскаго собранія. На праздникъ собралось около 300 человѣкъ; всѣ собравшіеся были литераторы и люди извѣстные. Передъ обѣдомъ Плетневъ (ректоръ университета) и Карлгофъ (писатель) поѣхали къ Крылову. Хотя онъ и слыхалъ о томъ, что хотятъ устроить праздникъ, но однако опредѣленно ничего не зналъ, такъ какъ отъ него до времени скрывали это. «Иванъ Андреевичъ!—сказалъ Плетневъ—сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ вы явились посреди русскихъ писателей; они собрались вмѣстѣ провести этотъ день, достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказать быть съ ними, чтобы этотъ день сдѣлался для нихъ навсегда незабвеннымъ праздникомъ».—«Знаете что, отвѣчалъ онъ,—

я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и мнѣ, конечно, еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не придумали бы чего лишняго; вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случилось, что онъ не уходилъ далеко въ море». По прибытіи ихъ въ собраніе, всѣ привѣтствовали его, и министръ народнаго просвѣщенія прочиталъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя Крылова: «Отличные успѣхи, которыми сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ русской словесности, и благородное, истинно-русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращали на себя Наше постоянное вниманіе, въознаменованіе котораго жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки котораго при этомъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны. «Николай». Украсивъ грудь Крылова звѣздою, министръ пригласилъ его въ особую залу, куда великіе князья прибыли для поздравленія Крылова. Всѣмъ этимъ онъ былъ растроганъ до слезъ.

Начался обѣдъ. Гости были помѣщены такъ, что они отвсюду могли видѣть общаго любимца. Противъ него, на другой сторонѣ залы, поставленъ былъ столъ, прекрасно освѣщенный и убранный цвѣтами, гдѣ стоялъ въ лавровомъ вѣнкѣ бюстъ его и лежали разныя изданія всѣхъ сочиненій Крылова. На хорахъ помѣстились дамы, желавшія присутствовать при торжествѣ. Крыловъ сидѣлъ между Олениным и министромъ народнаго просвѣщенія. По обѣ стороны заняли мѣста прочіе министры. За обѣдомъ было провозглашено много тостовъ и сказано много похвальныхъ рѣчей въ честь Крылова. Приводимъ здѣсь нѣсколько словъ изъ рѣчи Жуковскаго (писателя и поэта), сказанной Крылову:... «Продолжайте извлекать художественные уроки жизни, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы всѣхъ,—уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ». Князь Одоевскій высказалъ, что есть много хорошихъ сочиненій, но такихъ, которыя доступны толь-

ко одному какому нибудь званію или возрасту. «Ваши же стихи—сказалъ онъ—во всѣхъ концахъ нашей величественной родины лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ писатель какъ образцы остроумной поэзіи, истины и изящества».

Приводимъ здѣсь еще два куплета изъ стихотворенія Вяземскаго, написаннаго имъ ко дню юбилея Крылова:

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя;
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и клинитъ изъ подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Днесь судьбами всеблагими!
Нить любезныхъ намъ годовъ
Здравствуй съ дѣтками своими *)
Здравствуй дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Кромѣ этого всѣ присутствовавшіе здѣсь согласились собрать сумму на учрежденіе стипендіи имени Крылова и выбить медаль въ

---

*) Дѣтками называются здѣсь его басни. Въ этомъ же стихотвореніи говорится:

Изба его дѣтьми богата.
И дѣти славные ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

память юбилея. Черезъ мѣсяцъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе стипендіи и на выбитіе медали.

Когда Крыловъ всталъ изъ-за стола и проходилъ близъ хоръ, на него посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Онъ съ чувствомъ благодарилъ дамъ за ихъ трогательное вниманіе къ нему. Взявъ одинъ вѣнокъ, онъ раздѣлилъ по листку своимъ друзьямъ на память.

Такъ почтили день юбилея достойнаго и искренно-честнаго писателя.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше повелѣно производить ему пенсіи 5,700 руб. ассигнаціями, что вмѣстѣ съ прежними 6,000 составитъ 11,700 руб. ассигнаціями. Онъ переѣхалъ жить на Васильевскій островъ, поселился въ Первой линіи и прожилъ здѣсь до своей смерти, послѣдовавшей въ 1844 г. Теперь онъ еще рѣже выѣзжалъ изъ своей квартиры. Подъ старость его утѣшеніемъ и забавой сдѣлалось обученіе дѣтей. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей, и ея-то дѣтьми онъ теперь забавлялся. Ему весело было, когда около него играли дѣти, когда они охотно учились; онъ самъ ихъ училъ и грамотѣ и музыкѣ. Теперь онъ уже даже и басень не писалъ.

Во всю жизнь Крыловъ пользовался завиднымъ здоровьемъ. Онъ никогда не болѣлъ, и потому сохранилъ бодрость *до самой смерти, до глубокой старости.* Къ единственной слабости его можно отнесть невоздержность въ пищѣ. Онъ любилъ плотно и вкусно поѣсть; особенно любилъ онъ русскія кушанья. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ бывать на тѣхъ обѣдахъ, гдѣ для него особенно приготовляли русскія кушанья. Говорятъ, смерть его послѣдовала отъ несваренія пищи. Онъ велѣлъ приготовить себѣ на ужинъ тертыхъ рябчиковъ и облить ихъ масломъ; такую тяжелую пищу не могъ переварить его старческій желудокъ. Помощь врачей не спасла поэта. Всѣ увидѣли, что поэтъ не долго проживетъ; замѣтилъ это и онъ самъ, но бодрость и веселость сохранилъ до послѣдней минуты. Онъ любезно разговаривалъ со всѣми приходившими къ нему навѣстить его. Свои разсказы онъ пояснялъ всегда шутками и прибаутками. Между прочимъ, по поводу своей невоздержности разсказалъ слѣдующую басню: «Мужикъ собрался отвезти на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Не смотря

на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно увязать. Глядѣвшіе сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ отвѣчалъ одно: да вѣдь рыба сушеная. Но дорогою увидѣлъ, что непомѣрная тяжесть должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбой надсадиться. Вотъ и со мною вышло то-же. Не обременятъ желудка рябчики, вѣдь они протертые; а лишекъ-то все нехорошъ, какъ его ни возьми.»

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить христіанскій долгъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовнаго и съ сердечною благодарностію принялъ утѣшеніе святой Вѣры. Передъ самою кончиною, онъ попросилъ перенести себя въ кресло; но, почувствовавъ сильную слабость, сказалъ: «тяжело мнѣ» и снова пожелалъ лечь въ постель. Тамъ скоро онъ произнесъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои!». За симъ послѣдовалъ глубокій и послѣдній вздохъ въ его жизни. Онъ скончался въ восьмомъ часу утра въ четвергъ 9 ноября 1844 года, на 77-мъ году своей жизни.

Кромѣ усыновленной крестницы Савельевой, у Крылова никакихъ родственниковъ не осталось; поэтому министръ народнаго просвѣщенія предложилъ Академіи Наукъ и Университету принять на себя погребеніе тѣла знаменитаго баснописца, бывшаго членомъ Академіи и Университета. Государь Императоръ повелѣлъ выдать 9,000 рублей на погребеніе. Соборъ Св. Исаакія Далматскаго, не смотря на свою обширность не могъ вмѣстить всего множества народа, собравшагося для послѣдняго прощанія съ великимъ баснописцемъ.

Преосвященный Іустинъ совершилъ литію, а протоіерей Маловъ произнесъ надгробное слово. Первые сановники на рукахъ несли гробъ изъ собора до погребальной колесницы. Студенты университета поддерживали балдахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ, толпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій проспектъ. Въ Александроневской лаврѣ, послѣ литургіи, обрядъ отпѣванія совершилъ митрополитъ Антоній съ преосвященными Аѳанасіемъ и Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ. Тѣло похоронено на такъ-называвшемся тогда новомъ лаврскомъ кладбищѣ, рядомъ съ другомъ Крылова Гнѣдичемъ.

Сейчасъ-же послѣ смерти Крылова былъ учрежденъ комитетъ на постройку памятника, и скоро былъ поставленъ въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду памятникъ баснописцу. На этомъ памятникѣ онъ изображенъ сидящимъ съ книгою и карандашемъ въ рукахъ и обдумывающимъ свою басню, а на сторонахъ памятника подъ фигурой его изображены разныя картины изъ его басень.

Такъ провелъ жизнь нашъ великій баснописецъ и тихо сошелъ въ могилу, оставивъ потомству свои безсмертныя басни и *имя добраго, честнаго человѣка.*

Кирюковъ.

	Цѣна.	Съ пер.
20. Военные очерки. Разсказы изъ минувшей войны.	20 к.	25 к.
21. Въ охотникахъ на Кавказѣ	30 »	35 »
22. Анекдоты о Петрѣ Великомъ	20 »	25 »
Зауръ-Бекъ. Разсказъ изъ Кавказской жизни	10 »	15 »
23. Кавказская война и ея герои. Очеркъ войны.	12 »	15 »
24. Объ Отечественной войнѣ.	10 »	15 »
25. Славная оборона Петропавловскаго порта противъ Англо-Французскаго флота въ 1854 г.	10 »	12 »
26. Подвиги воинскихъ чиновъ въ мирное время	15 »	20 »

V. Земля. Вода и Воздухъ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ издано и издается цѣлый рядъ небольшихъ книжекъ, вполнѣ доступныхъ пониманію всякаго грамотнаго человѣка, въ которыхъ описывается природа и

РАЗНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Вышедшія доселѣ книжки всѣ съ рисунками и состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1. Равнины и пустыни. Съ 8 рис.	15 к.	20 к.
2. Луговыя и песчаныя степи. Съ 9 рис.	20 »	25 »
3. Горы и горная природа. Съ 9 рис.	25 »	30 »
4. Вулканы и землетрясенія. Съ 18 рис.	25 »	30 »
5. Воздухъ, насъ окружающій. Съ 4 рис.	20 »	25 »
6. Тепло и холодъ. Съ 2 рис.	15 »	20 »
7. Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. Съ 7 рис.	20 »	25 »
8. Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Съ 15 рис.	25 »	30 »
9. Вода въ трехъ видахъ. Съ 6 рис.	20 »	25 »
10. Вода въ воздухѣ	20 »	25 »
11. Источники и рѣки	20 »	25 »
12. Моря и океаны	20 »	25 »
13. Громъ и молнія.	20 »	25 »
14. Человѣкъ и природа. Съ 64 рис.	50 »	60 »

VI. Три царства природы.

Подъ этимъ названіемъ издается рядъ книжекъ съ описаніемъ произведеній земли. Здѣсь излагаются нравы животныхъ, свойства, вредъ и польза какъ животныхъ, такъ металловъ и минераловъ. Преимущественно вниманіе будетъ обращено на Россію. Донынѣ вышли книжки:

1. Соль. Съ 6 рис.	15 к.	20 к.
2. Чай, его польза и употребленіе. Съ 8 рис.	10 »	15 »
3. Другъ и недругъ человѣка. Собака и Волкъ.	20 »	25 »
4. Полезныя и вредныя насѣкомыя. Съ 100 рис.	60 »	75 »
5. Охота на звѣрей. Съ рисунками	50 »	60 »

VII. Повѣсти и разсказы.

1. Киргизская степь. Солдатскій разсказъ Львовича	20 к.	25 к.
2. Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ	20 »	25 »
3. На походѣ. Разсказъ Иванова.	20 »	25 »
4. Повѣсти и разсказы. Карзунова.	20 »	25 »
5. Подъ Плевной.	10 »	15 »
6. Данила Ивановъ	10 »	15 »
7. Счастливый человѣкъ	30 »	35 »
8. Кладъ.	12 »	15 »
9. Подъ старость радость. Соловьева.	20 »	25 »
10. Дикіе люди жаркой страны	30 »	35 »
11. Инструментъ. Повѣсть. Кукольника	10 »	15 »
12. Новый годъ. Повѣсть. Его-же	10 »	15 »
13. По общей воинской повинности. Соловьева	15 »	20 »

	Цѣна.	Съ пер.
14. Новобранецъ Камлатовъ	15 к.	20 к.
15. Подъ Свѣтлый день. Соловьева	15 »	20 »
16. Турчанка Галя. Бутовскаго	15 »	20 »
17. Злая судьбина. Тхоржевскаго	15 »	20 »
18. Въ омутѣ. Соловьева	15 »	20 »
19. На вомощь братьямъ славянамъ. Комедія	20 »	25 »
20. Пріемышъ. Разсказъ Карзунова	10 »	12 »
Сафронычъ. Его-же	10 »	12 »
21. Боевыя и народныя пѣсни	15 »	20 »
22. Лиза Бѣломорка	10 »	15 »
23. Бѣглый	10 »	15 »
24. Членовредитель	15 »	20 »
25 Чужое добро— одно страданіе и гибель	15 »	20 »
26. Три разсказа	15 »	20 »
27. Невеселая повѣсть	15 »	20 »
28. Бархатникъ и лапотникъ	10 »	15 »
29. Фима. Историческій разсказъ изъ русской исторіи	20 »	25 »
30. Пари	5 »	7 »
31. Приключеніе Алжирскаго пирата	10 »	12 »
32. Въ плѣну у Индѣйцевъ	10	12 »
33. Сусла Ивановичъ. Бутовскаго	10 »	12 »
34. Въ снѣгахъ. Тхоржевскаго	20 »	25 »
35. Двѣ доли. Его-же	10 »	12 »

VIII. Изданія съ рисунками раскрашенными:

НАРОДЫ РОССІИ.

1. Бѣлорусы и поляки	20 к.	25 к.
2. Латыши и литовцы	20 »	25 »
3. Казанскіе татары	20 »	25 »
4. Крымскіе татары	20 »	25 »
5. Черкесы и абхазцы	20 »	25 »
6. Мордва и черемисы	20 »	25 »
7. Финны, эсты и карелы	20 »	25 »
8. Тунгузы и юкагиры	20 »	25 »
9. Якуты	20 »	25 »

Славянскіе народы.

1. Русины. Безъ рисунковъ	10 к.	15 к.
2. Болгары. Безъ рисунковъ	10 »	15 »

IX. Описаніе нашихъ морей и рѣкъ.

1. Наши моря и какъ мы ими пользуемся. Шиле	10 к.	12 к.
2. Волга и Поволжье. Турбина	25 »	30 »
3. Донъ и Донецъ	10 »	15 »
4. Днѣпръ и Приднѣпровье	15 »	20 »
5. Днѣстръ и Приднѣстровье	15 »	20 »

X. Большія иллюстрированныя изданія.

1. Альбомъ Русско-Турецкой войны	— р. 75 к.	1 р.
2. Война въ Европейской Турціи	6 » — »	7 »
3. Война въ Азіатской Турціи	4 » 50 »	5 »

«Досугъ и Дѣло» за 1883 и 1885 года полные экземпляры по 4 р. съ пересылкою каждый.

Адресъ. Петербургъ, редакція журнала „Досугъ и Дѣло“.

2010515046